Максиму Владимировичу
Сергиевскому
от лектора

КРАТКАЯ

ФОНЕТИКА И МОРФОЛОГІЯ

ПОЛЬСКАГО ЯЗЫКА.

ЛЕКЦІИ

заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета

Романа Брандта.

Изданіе 2-е.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
СОТНИКОВ-ПОЛЯНСКІЙ ПР. СОБ. Д.
1913.

9720
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
719
54

Напечатано по постановленію Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Московскаго Университета.

Деканъ *Аполлонъ Грушка.*

Письмо.

Гласныя буквы. Изъ гласныхъ буквъ вызываютъ на замѣчанія y, é, ó, ą и ę.

Y обозначаетъ *ы*, нпр. ryba, byk. Звукъ этотъ по-польски нѣсколько ближе къ i, чѣмъ по-русски. Знаки é и ó читаются первый какъ y или какъ i, смотря по твердости или мягкости слога, второй—какъ u, напр. Bóg Богъ, rózga розга; примѣры на малоупотребительное é здѣсь было бы неудобно приводить. Буквы ą и ę обозначаютъ гласные носовые, а именно носовыя *o* и *e*, въ родѣ французскихъ слоговъ on и ain въ bon и pain, нпр. są суть (глагольная форма), gnę гну, mąka мука́, męka му́ка.

Еще слѣдуетъ отмѣтить значеніе буквы i передъ другими гласными: въ этомъ случаѣ она обозначаетъ мягкость предшествующаго согласнаго звука, такъ что сочетанія ia, io, iu соотвѣтствуютъ русскимъ буквамъ *я*, ё и *ю*, нпр. piana пѣна, ciotka тётка, dziura дыра; изъ этого слѣдуетъ также, что написанія miód и piąty читаются мют и пёнты. Буква i ставится и передъ *e*, простымъ и носовымъ, нпр. sienny сѣнной, pięta пятка: въ тѣхъ случаяхъ, когда мягкость не обозначена, согласные передъ *e* довольно тверды, нпр. sen сонъ, pęta узы. Передъ i, въ качествѣ гласной, мягкость, какъ и по-русски, подразумѣвается, нпр. niwa, sito. Замѣтимъ, что и слогъ ci мягокъ и не совпадаетъ съ cy: cyfra, но cichy (тихій).

Согласныя буквы. Буква *c* во всякомъ положеніи читается за *ц*, нпр. praca работа, co что, cudzy чужой, garniec горшокъ, cnota добродѣтель. S и между гласными звучитъ какъ

русскій *с*, нпр. kosa = рус. к о с *а*, а к о з *а* пишется ko*z*a. Сочетаніе cz соотвѣтствуетъ русской буквѣ *ч*, нпр. czas = часъ (значитъ — время), częsty частый, bicz. Sz обозначаетъ *ш*, нпр. szum, kasza, kosz корзина. Szcz равно русскому *щ*: szczodry щедрый, puszczę пущу. Для обозначенія *жс* служитъ z съ точкой, или съ апострофомъ, напр. żaba (значитъ—лягушка), żona жена *). Rz также читается *жс*, нпр. morze море, rzadki рѣдкій, grzęda грядка, brzoza береза, вмѣсто чего въ исходѣ и передъ безголосными согласными (какъ почти само собой разумѣется), а также п о з а д и безголосныхъ звуковъ k, t, p и ch слышится *ш*: kierz кустъ, gorzki горькій, krzak = kierz, trzoda стадо (малорус. чередá), przodek предокъ, chrzan хрѣнъ.

Мягкость согласныхъ въ концѣ слова и передъ согласными, тамъ, гдѣ по-русски пишется *ь*, обозначается надстрочнымъ знакомъ — акутомъ (´), нпр. koń, gęś гусь, pić пить, bądźmy будемъ!, koński, leśny лѣсной, późny поздній. Отступая отъ другихъ, буква l сама по себѣ обозначаетъ *л* м я г к і й, нпр. ból боль, Polska Польша; поэтому она и передъ гласными не принимаетъ умягчающаго i, такъ что la, le, lo, lu (ló) читаются *ля*, *ле*, *лё*, *лю*, нпр. las лѣсъ, wola, lewy, pole, ludzie (= староцерк. людиѥ), ód, род. lodu (= староцерк. ледъ-леда). Когда же нужно обозначить твердость l, то его перечеркиваютъ—прямою, или же изогнутою чертою, нпр. ładny красивый, хорошенькій, wołać звать, łeb башка, tłusty толстый, łódź, род. łodzi лодка, żółty желтый **).

Фонетика.

Ъ и **ь**. Глухіе гласные въ Польскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, въ открытыхъ слогахъ нѣмѣютъ, а въ замкнутыхъ (ставшихъ таковыми вслѣдствіе онѣмѣнія глухого слѣдующаго слога) проясняются **Ъ**, проясняясь, даетъ *е*— неумягчительное, т. е. съ предшествующимъ согласнымъ твердымъ,

*) Съ апострофомъ получаются написанія ż'aba, ż'ona.

**) Какъ примѣръ на другое начертаніе, приведу еще слово ława лавка, скамейка, кое можно сравнить съ пришлымъ словомъ lawa лава.

какъ память о широкомъ звукѣ ъ: староперк. сънъ по-польски sen, род. къ нему сьна—sna; wyspa (островъ) = праслав. *высъпа (корень съп: съпѫ-сопти) — уменьшит. wysepka; суффиксъ ькъ даетъ по-польски ek, нпр. piątek, род. -tku, при староперк. пятькъ; отмѣтимъ также слова łeb, род. łba башка, = основному лъбъ, и reż, род. rży = ръжь (слово старинное, вм. котораго теперь употребляется żyto). Насчетъ судьбы ъ въ Польскомъ языкѣ слѣдуетъ сдѣлать еще два замѣчанія. Во первыхъ, хотя *e*, замѣнившее ъ, вообще неумягчительно, но исключеніе составляютъ звуки *g* и *k*, которые въ этомъ случаѣ мягки: brat—твор. bratem, но Bóg—Bogiem, buk—bukiem. Во вторыхъ нужно замѣтить, что Польскій языкъ не особенно чувствителенъ къ скопленію согласныхъ и иногда представляетъ ощущеніе ъ тамъ, гдѣ въ Русскомъ языкѣ является замѣна его чистымъ гласнымъ: кровь, род. крови (кръвь, кръвє), звучитъ krew, krwi (въ старину съ болѣе архаическимъ окончаніемъ krwie); плоть, род. плоти (плъть, плътн) — płeć, płci (въ значеніи пола — sexus). Слѣдуетъ думать, что Польскій языкъ сохранилъ здѣсь старину, отъ коей Русскій языкъ уклонился, вставивши въ затруднительныя созвучія заимствованный изъ другихъ падежей гласный. Звукъ ь, какъ по-русски, нѣмѣя оставилъ послѣ себя мягкость, а проясняясь далъ *e* умягчительное: dzień, род. dnia (дьнь, дьнє), koniec - końca (коньць), len - lnu (льнъ), chrzest - chrztu крещеніе (крьстъ); *r* шепелявый—слѣдъ ŕ, а появленіе ch вмѣсто k здѣсь едва-ли фонетическое, вѣроятно ch явилось сюда изъ слова Chrystus. Относительно ь нужно сдѣлать оговорку. Было сказано, что *ь* нѣмѣя оставляетъ по себѣ мягкость, а проясняясь даетъ умягчительный гласный; но иногда мягкость впослѣдствіи исчезла. Такъ произносятъ krew (кръвь), хотя иногда и пишутъ—kreẃ; въ словѣ koniec—*c* твердое, хотя послѣ него утраченъ *ь* (коньць), въ словѣ orzeł, род. orła, изъ основного орьлъ: шепелявый r самъ по себѣ отвердѣлъ, а простой r—путемъ уподобленія слѣдующему ł. Польскій языкъ допускаетъ органическое онѣмѣніе еря (такъ же, какъ и ера) въ открытомъ слогѣ тамъ, гдѣ другіе языки отъ него уклоняются: klnę = кльнѫ (русское кляну заимствовало *я* изъ инфинитива клати — клясть); pławać = плъвати;

łza=сльza (ł повидимому указываетъ на первоначальное слъза, тогда какъ наше „слеза“ предполагаетъ сльза, но здѣсь надо видѣть уподобленіе слѣдующей твердости).

Въ числѣ примѣровъ, приведенныхъ на проясненіе и онѣмѣніе ъ и ь, были такіе, гдѣ ъ и ь слѣдовали за звуками r и l. Теперь надо разсмотрѣть тѣ случаи, гдѣ Староцерковный языкъ представляетъ ръ, рь, лъ, ль, которыя, по сравненію съ другими языками, должны восходить къ слоговымъ r и l (r̥, l̥). Слоговой *r* твердый далъ ar—тръгъ targ; неизвѣстное староцерковному языку кръкъ (шея)—kark, = чешск. krk; r мягкій по-польски прежде всего явился въ видѣ iŕ (r—мягкій), откуда или шепелявое irz или (примѣняясь къ слѣдующему твердому)—ir; въ новопольскомъ *i* здѣсь перешло въ *e*: ierz, ier; такую замѣну ŕ мы видимъ передъ звуками губными и задненебными, нпр.: wierzba (врьба), wierzch (врьхъ), czerpać (чрьпати), sierp (срьпъ)—рядомъ съ sierzp Другая замѣна ŕ, совпадающая съ замѣной r твердаго, есть ar; это можно объяснить тѣмъ, что ŕ, оставаясь еще слоговымъ, передъ твердыми зубными t, d, s, z, n, l, передъ коими является такая замѣна, отвердѣлъ и послѣ раздѣлилъ участь твёрдаго. Примѣры: czarny (чрънъıн), martwy (мрътвъıн), sarna (сръна, козуля, cervus capreolus). Слоговой l по-польски встрѣчается въ двухъ видахъ—eł и łu: съ одной стороны пълънъıн—pełny; вълна—wełna; *глъкъ—giełk (голкъ, звукъ; g здѣсь мягкое, какъ передъ *e* изъ ъ); съ другой стороны: стлъпъ—słup; длъгъıн—długi: тлъстъıн—tłusty. Кромѣ этихъ двухъ обычныхъ замѣнъ, встрѣчаемъ также своеобразныя замѣны l̥, для которыхъ не видно объясненія: мълъвити по-старопольски mołwić, по-новопольски mówić: l̥ далъ oł, ół, а затѣмъ ł исчезъ; слъньце—słońce, гдѣ вм. l̥—ło; этотъ послѣдній случай можно объяснять въ связи съ первымъ, т. е. l̥ сначала перешелъ въ oł, а потомъ произошла перестановка: ибо позволительно думать, что въ исключительномъ случаѣ языкъ могъ прибѣгнуть къ исключительному средству: въ данномъ словѣ перестановка оправдывается совершенною необычностью соединенія łńc—по-русски *л* здѣсь не произносится, также и Словенцы пишутъ solnce, выговаривая „sonce“; болгары выговариваютъ сънце (что

пишется с ъ л н ц е) или слънце*). Появленіе oł вм. l̥ составляетъ правило послѣ шипящихъ согласныхъ: ѵльнъ — czoł̥n, жльтыи — żółty. Но здѣсь приходится видѣть слоговой l мягкій. Вмѣсто l̥ мы еще находимъ въ Польскомъ il, рядомъ съ русскимъ твердымъ слогомъ ол: влъкъ—wilk, млъѵати—milczeć. Возможно, какъ полагаетъ Ягичъ, что для этихъ словъ болѣе правильное написаніе есть—влькъ, мльѵати; отсюда понятно появленіе il, которое=irz, ir, какъ замѣнѣ ŕ̥. Но если понятны при такомъ взглядѣ польскія wilk, milczeć, зато непонятны в о л к, м о л ч а т ь.

Ѣ въ Польскомъ языкѣ чаще всего является въ видѣ *е* умягчительнаго: niemy—нѣмой, lewy—лѣвый, krzepki—крѣпкій, chléb - chleba; rzeka — рѣка, bieg, śmiech **Ѣ** принимаетъ такой видъ передъ губными и задненебными согласными; иное дѣло передъ т в е р д ы м и з у б н ы м и, т. е. передъ t, d, s, z, n. ł и еще передъ r: передъ ними *ѣ* подвергается расширенію въ *а*, при чемъ конечно предшествующій согласный сохраняетъ свою мягкость (для краткости можно говорить, что *ѣ* переходитъ въ *я*), когда же за нимъ слѣдовалъ мягкій согласный, *ѣ* всегда переходилъ въ *е*: miesiąc — мѣсѧць, kąpiel — кѫпѣль, pieniądz—пѣнѧѕь (монета), но wianek — вѣнокъ, lato — лѣто, gniady—гнѣдой, piasek—пѣсъкъ, gwiazda — звѣзда, biały, miara. На основаніи сказаннаго ясно, что если, вслѣдствіе производства, склоненія или спряженія, случится измѣненье твердаго зубного въ мягкій, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется замѣна *ѣ*. Такъ въ словѣ wianek мы видѣли *а*, но родственное реченіе вѣньць звучитъ wieniec, отъ las (лѣсъ) происходитъ leśny (лѣсной), прикладокъ biały имѣетъ сравнительную степень bielszy, miasto (городъ,=рус. мѣсто; наше „мѣсто“ передается уменьшительной формой miejsce) — мѣстный падежъ „w mieście“; jadę (ѣду) образуетъ 2-е л. jedziesz. Однако изъ этого звукового закона есть много исключеній, вслѣдствіе примѣненія одной формы къ другой: иногда передъ мягкими согласными—*ѣ* является въ видѣ ia, нпр. къ biały можно образовать множ. ч. biali. Бываютъ также случаи появленія *ѣ* въ видѣ *е*

---

*) Впрочемъ, т. к. старѣйшее польское написаніе этого слова (врядъ-ли представляющее, какъ мнѣ прежде думалось, чехизмъ) есть slunce, то̀, м. б. лучше говорить о сдѣлкѣ между предполагаемымъ soł̥ńce и этимъ słuńce.

передъ твердыми зубными: dzieło дѣло [которое имѣетъ разновидность działo—„пушка“, подобно тому какъ рус. слово орудіе, означавшее въ древности „дѣло“, теперь = „пушка“; działo въ смыслѣ „дѣло“, читается въ псалтыри XIV в., Маргаритиной (по мнимой владѣлицѣ его королевѣ Маргаритѣ) или Флоріанской (по монастырю Св. Флоріана въ Верхней Австріи)]. Подобное же *e* вм. *ѣ* передъ твердымъ звукомъ представляютъ слова bieda съ варьянтомъ biada, powiedać рядомъ съ powiadać, cena—цѣна, cesarz—императоръ (цѣсарь), bies. Появленіе *ie* вм. ia отчасти объясняется вліяніемъ Чешскаго или Русскаго языка на Старопольскій, иной разъ, можетъ быть, слово подвергалось вліянію другихъ словъ: такъ прикладокъ biedny могъ породить предметницу bieda. Отчасти такія слова могутъ отражать нѣкогда бывшій звуковой законъ, обыкновенно нарушенный вліяніемъ другихъ формъ, по коему расширялся только краткій ѣ, а не долгій. См. лекторову статью „О польском ѣ“. Русскій Филологическій Вѣстникъ, томъ XLVIII (1902 г.), стр. 201—212.—Какъ же представить себѣ преемство между польскими ie и ia изъ основного ѣ? Кажется, слѣдуетъ думать, что въ Польскомъ языкѣ первоначально было ä (*e* широкое, близкое къ *a*) вм. *ѣ*: это *ä* передъ мягкими согласными суживалось въ *e*; а передъ твердыми зубными расширялось и переходило въ *ia*. Мысль, что польское ia не можетъ быть основною замѣною ѣ принадлежитъ Алдр. Ае. Потебнѣ, который указалъ на то, что, еслибы въ Польскомъ происходило суженіе *ia* въ *ie*, то онъ сузилъ бы и основное ja; во вторыхъ, въ исходѣ словъ, гдѣ нѣтъ никакого вліяющаго согласнаго, мы находимъ *e*: ręce = рѫцѣ; we śnie = къ сънѣ; сюда слѣдуетъ еще прибавить замѣчаніе Бодуэна-де-Куртенэ, что въ старинномъ языкѣ иногда является *e*, гдѣ позднѣе видимъ ia: powieda, miera, sieno, biely; вѣроятно, это написаніе выражаетъ *e* широкое.

Ѫ и Ѧ. Юсы въ Польскомъ языкѣ сохранили свой носовой характеръ: самое раскрытіе первоначальнаго значенія юсовъ Востоковымъ было основано на сравненіи Староцерковнаго языка съ Польскимъ. Мы имѣемъ въ Польскомъ тѣ же носовые *e* и *o*, на письмѣ ę и ą, что и въ Староцерковномъ; но представляя тѣ

же носовые гласные, Польскій языкъ употребляетъ ихъ иначе: на мѣстѣ ѫ является и ą, и ę: сѫдъ—sąd, род. sądu; сѫкъ—sęk, род. sęku. Въ одномъ и томъ-же корнѣ бываетъ колебаніе между ą и ę: мы только что видѣли первичное слово sąd сѫдъ, но производное отъ него сѫдіи (судья) будетъ sędzia; пѫкъ—pająk, но пѫжина—pajęczyna (паутина); скѫпый—skąpy, но сравнительная степень skępszy; рѫка—ręka, а уменьшительное rączka. Указанное чередованіе замѣчается и въ склоненіи: одни падежи могутъ представлять ę, другіе—ą: ręka, род. мн—rąk. Особенно часто у словъ ероваго склоненія односложный назывникъ имѣетъ ą, а другіе, двусложные, падежи—ę: dąb, род. dębu; mąż—męża. Колебаніе между ą и ę, какъ показываетъ сравненіе Польскаго съ Чешскимъ и отчасти съ Сербскимъ, восходитъ къ болѣе раннему колебанію между долготою и краткостью; ą предполагаетъ гласный элементъ долгій, ę—краткій. Какъ у Поляковъ ę съ ą, такъ у Чеховъ чередуются *и* съ *ou* (старочеш. ú: акутъ въ чешскомъ письмѣ служитъ знакомъ долготы): sąd=чеш. soud (стар. súd), sędzia—sudí, sęk—suk, męka мѹ̀ка—muka, mąka мука́—mouka. Впрочемъ въ Чешскомъ мы не видимъ колебанія между *и* и *ú* въ склоненіи: по-польски dąb, при род. dębu, а по-чешски dub, dubu. Ą и ę никогда не начинаютъ слова, и начальный ѫ принимаетъ призвукъ w (и въ Староцерк. видимъ призвуки к и j, но ѫ нерѣдко стоитъ въ зачинѣ): ѫда—węda, ѫзъкын—wązki. Ę, соотвѣтствующее юсу широкому, никогда не бываетъ умягчительнымъ, хотя бы и предшествовали задненебные *g* или *k* (которые, какъ мы видѣли, бываютъ мягки передъ *е* происшедшимъ изъ ъ): гѫсь—gęś, кѫсъ—kęs. Конечно, въ такихъ случаяхъ g и k не могутъ быть столь тверды, какъ передъ широкими гласными: a, o и u, но они все-таки не мягкіе. Изъ закона неумягчительности ę исключеніе составляетъ причастіе gięty—гѧтъıн и неопредѣленное того-же глагола—giąć. Формы эти вторичныя; онѣ образовались по примѣру глаголовъ, имѣющихъ въ корнѣ юсъ узкій: наст.—pnę, инф.—piąć, прич.—pięty=пѧтъıн, пѧтн, пѧтъ; żnę, żąć, żęty—жѧтъıн (въ староцерк. жѧтъıн, жѧнѣшн и т. д.), жѧтн, жѧтъ; tnę, ciąć (рубить), cięty—тѧтъıн, тѧтн, тѧтъ; подъ вліяніемъ этихъ

глаголовъ и къ настоящему gnę образовали giąć и gięty.—На приведенныхъ только что глаголахъ мы видѣли, что также узкому юсу соотвѣтствуютъ ę и ą; но что эти ę и ą *умягчительны*. Отмѣтимъ еще нѣсколько примѣровъ, на которыхъ въ то-же время было бы видно чередованіе ię съ ią и соотвѣтствіе его чешскому чередованію краткости съ долготой. одинаковое съ тѣмъ, которое мы отмѣтили у замѣнителей юса широкаго: пѧть—pięć, чеш. pět' (' и ˇ—знаки мягкости), пѧтыи—piąty, pátý, дѣтѧ—dziécię, dítě, *дѣтѧтько—dzieciątko, dět'átko. Исключеніе изъ закона умягчительности представляютъ тѣ случаи, когда юсу предшествуютъ шипящіе, которые сначала были мягки, а затѣмъ отвердѣли: część—чѧсть, вышеприведенный инфинитивъ żąć. Нѣчто въ родѣ исключенія замѣчается въ тѣхъ словахъ, гдѣ передъ ѧ стоитъ согласный j, нпр ꙁаѩць—zając, zająca, чеш. zajíc, прилагат. ꙁаѩчии—zajęczy, чеш. zaječí, ѩꙁыкъ—język, чеш. jazyk, ѩдро—jądro, чеш. jádro; въ такихъ случаяхъ ę и ą, правда, имѣютъ передъ собой мягкій согласный (вѣдь j самъ по себѣ мягокъ), но *j* есть и въ староцерк., и са́мому юсу здѣсь соотвѣтствуютъ только ę и ą.—Какимъ образомъ возникло чередованіе ą съ ę—это вопросъ невыясненный. Было высказано предположеніе (Потебней, Лецеевскимъ), что въ старѣйшую пору существовалъ всего одинъ носовой гласный, а именно *а* носовое, почему и употреблялся одинъ знакъ: ѻ, или *а* съ перечеркнутымъ кончикомъ, и только впослѣдствіи изобрѣли знаки ę и ą. Если это вѣрно, то нужно предположить, что праслав. е и о у Поляковъ слились въ одно носовое *а* (умягчительное, или неумягчительное), которое послѣ вторично развилось въ тѣ же е и о, но уже смотря по своей краткости или долготѣ. Носовой элементъ польскихъ юсовъ не у всѣхъ поляковъ звучитъ одинаково; онъ произносится различно по говорамъ, и то болѣе, то менѣе приближается къ тому же элементу французскаго произношенія, но никогда не совпадаетъ съ нимъ. У Французовъ слышится настоящая пригнуска: произнося гласный, они сопровождаютъ его носовымъ резонансомъ (который происходитъ оттого, что ротовая полость при произношеніи гласнаго не разобщается съ носовой посредствомъ поднятія нёбной занавѣски—что̀ необ-

ходимо для образованія чистаго гласнаго): bon, honte, oncle, bombe. По-французски положеніе носового гласнаго почти не вліяетъ на него: въ только что приведенныхъ примѣрахъ повсюду одно и тоже носовое *o*, развѣ съ ничтожными оттѣнками; по-польски, напротивъ того, положеніе имѣетъ большое значеніе: гласный произносится съ пригнуской, а затѣмъ слышится еще почти полный носовой согласный, съ окраской отъ послѣдующаго согласнаго, нпр ką̨t уголъ (областное кутъ) произносится почти какъ kont; передъ губными носовой элементъ близокъ къ m: tę̨py почти=tempy; передъ задненебными k, g, ch онъ близокъ къ *n* adulterinum, т. е. къ латинскому *n* передъ g,k: anguis, uncus, къ греческому звуку въ подобныхъ соединеніяхъ, который изображается буквою γ: ἄγγελος, ὄγκος, ἔγχος, къ нѣмецкому ng: lange долго, и къ *n* въ соединеніи *nk*, нпр. denken думать: rę̨ka звучитъ приблизительно renka, mą̨ka—monka, tę̨gi—tengi. Въ исходѣ носовой элементъ нерѣдко исчезаетъ: mogę̨ можетъ произноситься moge, mogą̨,—mogo. Теряется носовой элементъ еще передъ *л* и *м*, нпр. **взялъ**—wziął произносится взёл, **взяла**—wzię̨ła произносится взе́ла: первоначально, очевидно, эти фонемы произносились съ носовымъ элементомъ, что̀ подтверждается народнымъ выговоромъ ихъ wzión, wziena; ą̨m и ę̨m встрѣчаются въ такихъ соединеніяхъ, какъ głowę̨m stracił (въ староцерк переложеніи **главѫ̀ иесмь истрѧтилъ**)—произносятъ: głowem.

Є. Судьба **є** въ Польскомъ сходна съ судьбою его въ Русскомъ. Во первыхъ оно умягчительно: **вѣдѣши**—wiedziesz, **нѣбо**—niebo. Умягчительное исконное **є** отличается отъ **є** изъ **ъ**, но совпадаетъ съ прояснившимся **ь** и съ **ѣ**; однако оно разнится отъ нихъ передъ твердыми зубными и передъ *r*: *e* исконное подвергается здѣсь расширенію въ *o*, конечно съ сохраненіемъ мягкости предыдущаго согласнаго: **вѣдѫ**—wiodę̨, **сѣло**—sioło. При извѣстныхъ условіяхъ мягкость теряется: **жена**—żona. Разница однако въ томъ, что 1) у насъ непремѣннымъ условіемъ расширенія *e* является ударяемость (такъ въ южновеликорусскомъ и литературномъ произношеніи), а Поляки говорятъ żołądek, miodowy, ciosany; 2) по-польски прояснившійся *ь* не подвергается расширенію, нпр.: **пьсъ**, по-русски пёс, а по-польски pies, **пѣуьтъ**—

почёт и poczet (число); 3) по-русски расширеніе происходитъ не только передъ твердыми зубными, но передъ всякимъ твердымъ согласнымъ: т ё п л ы й, по-польски ciepły, у т ё к—uciekł. Отъ основного звукового закона встрѣчаются и уклоненія. Появляется вторичное расширеніе, гдѣ его не должно бы быть: мы видимъ слова—poziom (почва), poziomka (земляника), къ дьнь—dzień уменьшит есть dzionek. Иногда изъ ѫ выходитъ іо вм. іа: pieśń образуетъ уменьшит. piosnka или piosenka Срав. русскій выговоръ—з в ё з д ы, г н ѣ з д а вм. з в ѣ з д ы, г н а з д а.

Кромѣ расширенія, звукъ *е* способенъ къ с ж а т і ю или н а к л о н е н і ю (ściśnienie, pochylenie): исконное є и ѣ приближаются къ *і*, или переходятъ въ і. Подобнымъ же образомъ *а* сближается съ *о*, *о* переходитъ въ u. Письменнымъ знакомъ сжатія служитъ акутъ, т. е. пишутъ é, ó, á. Отмѣтимъ, что знакъ *é* употребляется довольно непослѣдовательно; отчасти это дѣло правописанія (не всегда обозначаютъ сжатіе), отчасти здѣсь сказываются діалектическія особенности. Наклоненію, какъ уже сказано, подвергается *е*, соотвѣтствующее основному *е*, или происшедшее изъ ѫ. Такимъ образомъ имѣемъ é въ piérze=периє, изъ є, въ dziécię=дѣтя—изъ ѣ*). Какъ существуетъ колебаніе между двумя замѣнами юсовъ, т. е. какъ чередуются ą и ę, такъ чередуются *é* и *е*, ó и o: chléb, род. chleba, Bóg, род. Boga Сжатіе происходитъ обыкновенно въ замкнутыхъ слогахъ, т. е. кончающихся на согласный—chléb, piérze (ближайшимъ образомъ изъ *perje). Это условіе повторяется и въ другихъ языкахъ при явленіи, соотвѣтствующемъ польскому наклоненію,—въ Чешскомъ, Сербскомъ, Лужицкомъ, и въ нарѣчіи Малорусскомъ (въ послѣднемъ *о* и *е* въ замкнутыхъ слогахъ дали і: п і п—п о п а́, п і ч—п е́ ч и). Кромѣ замкнутости слога, условіемъ сжатія у Поляковъ является еще голосовость (звонкость) слѣдующаго согласнаго (звонкіе или голосовые согласные, это—b, g, d, z, ż, w, а также слѣдующіе неимѣющіе соотвѣтственныхъ глухихъ или безголосныхъ: l, ł, r и j**):

*) Изъ современнаго литературнаго произношенія, да и изъ правописанія, é почти устранено.

**) Таковы еще носовые m и n, но тѣ отчасти составляютъ исключеніе: *е* и *о* передъ ними въ настоящее время не бываютъ сжатыми.

grób, род. grobu могила, ród—rodu, wóz—wozu, rów—rowu, woda—wódka, noga—nóżka; sól—soli, wół—wółu, dwór—dworu, dwoje—dwójka, zdrój—zdroju (староцерк. изрои истеченіе—корень ри: ринѫти, рѣѭти; развитіе д между з и р извѣстно и Староцерк., нпр. издринѫти, раздрѣшити рядомъ съ изринѫти, разрѣшити). Вм. голосовыхъ b, d и т. д. точнѣе было бы говорить о первоначально-голосовыхъ, т. к. въ большинствѣ случаевъ эти звуки, находясь въ исходѣ или же передъ безголосными, и сами обезголосились, сохранившись лишь на письмѣ. Въ видѣ исключенія 1) нѣкоторыя слова представляютъ сжатіе передъ безголосными—таковы глагольныя формы rósł росъ, móc мочь. мошти (пишутъ обыкновенно módz, черезъ dz, но это ошибочно), 2) встрѣчается сжатіе въ открытыхъ слогахъ, нпр. góra, król-króla. Еще нужно замѣтить, что *ó* (вѣроятно путемъ подражанія) является и вмѣсто вторичнаго *o*, представляющаго плодъ расширенія *e*: trzoda, стадо (=малорус. череда, стрц чрѣда), род. мн.—trzód, какъ отъ noga—nóg; żółw (черепаха), основная форма жьлъвь (древнѣйшая форма жьлы, род. жьлъве); miód при род. miodu.

Сжатіе *a*, отъ котораго оно приближается къ *o*, или даже въ него переходитъ (также и дальше—въ u), составляетъ достояніе языка стариннаго и народнаго, почему буква *á* не принадлежитъ къ обыкновенной польской графикѣ: szklánka (стклянка), piekárz (пекарь); wołá (онъ) кричитъ—примѣръ сжатія въ открытомъ слогѣ, причину котораго слѣдуетъ видѣть въ возникшей путемъ стяженія долготѣ: wołá произошло изъ первоначальнаго *волаѥть.

Сжатіе не въ иныхъ только случаяхъ, но и вообще есть слѣдъ долготы: это ясно изъ сравненія съ языками Чешскимъ и Сербскимъ, гдѣ мы находимъ напримѣръ выговоръ Bůh, Бôг, лêд съ долгими гласными, при косвенныхъ падежахъ Boha, Бога, леда—съ краткими. Возможно однако, что у Поляковъ протяженіе рано вызвало качественное измѣненіе гласнаго и само утратилось, и что въ Польскомъ языкѣ издавна не было долгихъ гласныхъ. Мы имѣемъ, правда, свидѣтельство первыхъ польскихъ грамматиковъ, Паркоша (XV в.) и Заборовскаго (XVI в.), о существованіи въ старину долгихъ гласныхъ. Объ этомъ же сви-

дѣтельствуетъ и удвоеніе гласныхъ буквъ въ письмѣ XIV в., написанія въ родѣ paan, Boog, brzeeg (brzég). Въ виду этого допускаютъ существованіе долгихъ гласныхъ въ Старопольскомъ и новѣйшіе грамматисты: Бодуэнъ-де-Куртенэ, Малиновскій, Малъэцкій. Противъ указанныхъ взглядовъ выступилъ Антонъ Семеновичъ („О мнимомъ количествѣ гласныхъ въ Старопольскомъ“: Ueber die vermeintliche Quantität der Vocale im Altpolnischen); онъ указываетъ на то, что Заборовскій говоритъ не о своемъ времени, а Паркошъ имѣетъ смутное понятіе о долготѣ, и его долгіе гласные можно считать наклоненными. Однако на возраженіе Семеновича основательно замѣчаетъ Миклошичъ („О долгихъ гласныхъ въ Славянскихъ языкахъ“: Ueber die langen Vocale in den slavischen Sprachen), что, въ виду соотвѣтствія другихъ языковъ, польское сжатіе есть несомнѣнный слѣдъ долготы, хотя бы и утраченной весьма рано. Чтобы покончить со „сжатіемъ“, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной графической особенности, которая, при чтеніи старопольскихъ изданій, можетъ повести къ ошибкамъ; а именно: въ старину сжатое *a* обозначалась не акутомъ, а отсутствіемъ акута, такъ что á равнялось *a* чистому и *a*—*a* наклоненному, нпр.: старыя написанія mały, pan=теперешнимъ mały, pán*) Еще нужно замѣтить, что, хотя въ настоящее время *o* произносится какъ *u*, но надо думать, что ō не сразу получило такое произношеніе, а что сначала появилось среднее между o и u—*o* узкое (нѣм. *o* въ roth, франц. *o* въ *eau*).

I и y. Отношеніе этихъ звуковъ къ старинным ѣ и ы въ Польскомъ то же, что и въ Великорусскомъ, т. е. вообще ѣ и ы сохраняются. Случаи измѣненія основныхъ ѣ и ы у Поляковъ также почти тѣ же самые. А именно, задненебные g и k соединяются съ i, а не съ y, и староцерковные и праславянскіе слоги гы и кы перешли въ gi и ki: кын—kij (палка), ręka, род. ręki вм. рѫкы; ginąć гыбнѫти. Не параллельно съ *г* и *к*

*) Сжатое *a* нерѣдко и на мѣстѣ древняго ѣ. Если въ этомъ не видѣть, вмѣстѣ съ лекторомъ, широко развившейся аналогіи, замѣнившей ē черезъ ā, изъ-за родственныхъ формъ съ ā, то вышеуказанное piosnka изъ *пѣснька можно объяснить фонетически какъ проникшій въ литературную рѣчь народный выговоръ, со „сжатіемъ“ *a* въ *o*.

идетъ *х*: первоначальное **хы** является въ видѣ средняго (довольно твердаго) слога, который пишется chy, нпр. chylić (наклонять), chyba (ошибка), muchy (мухи). Если ы въ соединеніи съ задненебными дали i, то съ другой стороны, i послѣ шипящихъ и послѣ *ц* расширилось и сблизилось съ ы: zywot жизнь, szydło шило, cyfra — и мы́ произносимъ ж*ы*вот, ш*ы*ло и лишь на письмѣ сохраняемъ букву *и* (послѣ *ц* нерѣдко даже пишутся ы); czysty, szczyt—и у насъ въ слогахъ *чи*, *щи* бываетъ широкое *i*, смахивающее на ы. Еще замѣтимъ, что i, не имѣя на себѣ ударенія, нерѣдко становится безсложнымъ, сливаясь съ предшествующимъ гласнымъ въ дифтонгъ и оставляя мягкость на согласномъ: kupuj=**коупоуи** (покупай); stań=**стани**, być=**быти**. Явленія эти повторяются болѣе-менѣе во всѣхъ новославянскихъ языкахъ. Особенностью Польскаго языка представляется превращеніе слоговъ ir и yr въ er: sierota, umierać, pożerać, ser; встарь было еще sirota, umirać, pożyrać, syr. Срв. также выше, стр. 4, стрк. 13.

Согласные. Смягченіе мгновенныхъ зубныхъ t и d, т. е. превращеніе дославянскихъ сочетаній tj и dj, въ Польскомъ языкѣ даетъ свистящіе c и dz: свѣт+ja звучитъ въ староцерк. **свѣшта**, въ польс.—świeca; мед+ja — **межда**, miedza; летjѫ — **лештѫ**, lecę; видjѫ—**виждѫ**, widzę. Одинаково съ tj и dj измѣняются kt и gt (=kt, т. к. g передъ безголоснымъ t переходитъ въ безголосное k): пек+ти—**пешти**, piéc, мог+ти—**мошти**, móc (Срв. стр. 11, стрк. 12).

Однако есть случаи, гдѣ d и t вмѣсто свистящихъ обращаются въ шипящіе, именно, когда имъ предшествуютъ звуки s и z: chłostać (сѣчь)—1 л. наст. chłoszczę, со *щ*, а не *сц*; gwizdać (свистѣть)—gwiżdżę, съ *ждж*, а не *здз*. Эту странность можно объяснить тѣмъ, что основное смягченіе tj и dj давало *ц* и *дз* мягкія, которыя только впослѣдствіи отвердѣли; въ соединеніи съ s и z мягкость сохранялась, и с́ц́, з́дз́ давали ш́ч́, ж́дж́, а потомъ уже поотвердѣли. Изъ ц́ и дз́ легко объясняются замѣны tj и dj во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и потому ихъ можно считать праславянскими; трудно только объяснить староцерковное и болгарское **шт**, странное при любомъ объясненіи.

Смягченіе губныхъ. Губные смягчаются непосредственно: ziemia, при стрцрк. ѕемлѧ, grabie, по-рус. грабли, żóraw, -wia—журавль, -вля. Есть однако словà czapla цапля, grobla плотина, niemowlę младенецъ и нѣкот. др., въ коихъ, если они дѣйствительно представляютъ іотовыя наставки -ja, -jȩ, произошло элевое смягченіе губныхъ. Можно бы видѣть здѣсь архаизмы, а въ другихъ случаяхъ говорить объ утратѣ звука l, отчасти фонетически—меньшильное grabki изъ *grablki, назывникъ żóraw изъ *żórawl, отчасти—путемъ подражанія; но послѣднее вполнѣ удобно лишь у глаголовъ, гдѣ единичныя **люблѭ. люблѥнъ, ловлѭ, ловлѥнъ, кръмлѭ, кръмлѥнъ** (польскія lubię, lubiony, łowić, łowiony, karmić, karmiony) находились подъ давленіемъ всѣхъ остальныхъ формъ,—въ добавокъ нельзя не смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что слово kropla капля именно въ старѣйшихъ псалтыряхъ является въ видѣ kropie (множ. ч).

Въ Польскомъ, какъ и въ Русскомъ, сильно развита мягкость и твердость: бóльшая часть согласныхъ можетъ быть и мягкими, и твердыми, и умягчается передъ всѣми узкими гласными, преемниками праславянскихъ *e, и, ъ,* ę, и *ь* Замѣтимъ однако слѣдующее: губные b, p, w, m не бываютъ мягкими въ изглашеніи: żółw (w среднее, такъ что мягкость даже на письмѣ обыкновенно не обозначается), род żółwia. Не бываетъ мягкимъ звукъ ch, хотя передъ узкими гласными онъ нѣсколько мягче, чѣмъ передъ широкими. Можно отрицать также мягкость звуковъ s, z, c, dz, ибо, будучи мягкими, они приближаются къ шипящимъ. *) Вовсе не бываютъ мягкими *t* и *d*, ибо *t'* и *d'* подверглись вторичному измѣненію и превратились въ ć и dź: тѣсто—ciasto, дѣдъ—dziad. Такимъ образомъ ć и dź соотвѣтствуютъ русскимъ мягкимъ *t* и *d*, т. е. *t* и *d* передъ узкими гласными. (У Бѣлоруссовъ, какъ и у Поляковъ, *t'* и *d'* перешли въ *ц'* и *дз'*: цѣсто, дзѣд). Отъ ć и dź слѣдуетъ отличать *c* и *dz* твердыя, которыя восходятъ къ праслав. *ц* и *дз* (дославян. *k* и *g*), напр. ręka—na ręce, noga—na nodze, или равняются смягченію *t* и *d*,

*) Мягкій s древній, унаслѣдованный таковымъ, какъ плодъ второго смягченія, является въ видѣ настоящаго sz: zawsze всегда, изъ *(ѕа) вьсѥ, вм. *вьхѥ.

т. е. восходятъ къ дослав. *tj* и *dj*. Не бываетъ мягкимъ и звукъ *r*: мягкій *r* получилъ шепелявый выговоръ—*рж*, который въ современномъ языкѣ упростился въ *ж* (являясь иногда и въ видѣ безголоснаго *ш*) и притомъ отвердѣлъ. Примѣры на rz см. стр. 2. Въ старину, а отчасти въ народныхъ говорахъ, мы находимъ rz (*рж, рш*) съ болѣе-менѣе явственнымъ г (какъ у Чеховъ). Обратимъ здѣсь вниманіе на соединенія śrz, źrz, замѣняемыя посредствомъ śr и źr: średni, środa или śrzoda середа, źrenica или źrzenica.

Нѣкоторыя особенности въ сочетаніи звуковъ. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить огласовку плавно-чистыхъ созвучій (соединеній плавныхъ г и l съ чистыми гласными), т. е. тѣхъ, гдѣ по-русски замѣчается полногласіе. Плавно-чистыя созвучія, которыя въ Рус. являются въ видѣ *оро, оло*, въ Стрцрк. ра, ла, по-польски представляютъ ro, ło: broda вм. брада, głowa вм. глава. Такое *o* является иногда и во вторичномъ видѣ, какъ *u*: król—король. Когда въ Староцерк. мы имѣемъ рѣ, лѣ послѣ согласныхъ, а по-русски *ере* и *еле* (или *оло*), тогда по-польски замѣчается одно *e* позади плавнаго: rze, le. Правда, во многихъ случаяхъ (нпр. brzeg, drzewo, strzec стеречь, mlewo мелево, mléc молоть, mléko) не видно, произошло ли польск. *e* изъ є, или изъ ѣ; но гдѣ старинное различіе сказывается благодаря расширенію, тамъ мы видимъ, что имѣемъ дѣло съ исконнымъ *e*: береза—brzoza (не brz*a*za, что̀ указывало бы на ѣ), плѣнъ (рус. полонъ: плѣнъ—церковнославянское)—plon (добыча, урожай), ѵрѣнъ (черенокъ)—trzon. Какъ Русскій языкъ вмѣсто староцерк. лѣ представляетъ не только *еле*, но также (притомъ чаще) *оло*, такъ и по-польски, рядомъ съ le и вторичной замѣной его lo, является ło (со вторичнымъ измѣненіемъ łó), примѣрами чего могутъ служить слова̀ жлѣзъ, жолобъ—żłób, р. żłobu; молокососъ—młokos.

Еще остановимся на нѣкоторыхъ случаяхъ упрощенія мягкихъ согласныхъ. Эти звуки въ иныхъ соединеніяхъ могутъ упрощаться въ j, который они въ себѣ содержатъ; именно j является передъ *c, cz, sk*, вм. ć, dź, ś, ź: къ слову ociec (отьць), род. ojca изъ оćса, =отьца,—форма ojca повліяла и на наз. и измѣнила его въ ojciec; zdrajca (предатель)=*издрадьца (корень—rad: rada

совѣтъ, срв. нѣм. Verrather), вм. zdradźca; wieś=вьсь (деревня), а прилаг. вьсьскъıи—wiejski вм. wieśski. Такое упрощеніе произошло и передъ rz (очевидно въ то время, когда это былъ еще сложный звукъ *рж*, а не простое *ж*), нпр. оүʒьрѣти дало ujrzeć изъ uźrzeć.

Еще отмѣтимъ слово sejm, при чешскомъ sněm и новоцерковномъ сонмъ: seńmu, seńmowi и т. д. (основныя съньма,-моү и т. д.) могли перейти въ sejmu, sejmowi, примѣнительно къ чему назывно-винительный падежъ *sniem могъ замѣниться обычнымъ въ старину sjem; дальнѣйшее, полное, примѣненіе къ тѣмъ же падежамъ дало sejm. Срв. новоцерковное сонмъ вм. снемъ, сонма.

Особенностью Польскаго языка, общею ему съ другими сѣверо-западными языками, Чешскимъ и Сербо-лужицкимъ, является сочетаніе *дл*, вм. котораго прочіе языки представляютъ одинъ *л*: sadło, padło, radło, mydło, skrzydło (крило), motowidło, gardło, jodła (рус. е л ь, серб. j é л а), modlitwa и т. п. Я впрочемъ склоненъ объяснять это *дл* не сохраненіемъ древняго *дл* и переходомъ *тл* въ *дл* (суффиксъ dło вм. *тло*), а в о з с т а н о в л е н і е м ъ коренного *д* у нѣкоторыхъ словъ—sadło, padło, jadło, siadło—и подражательнымъ распространеніемъ его на остальныя. Грамматическія замѣтки, т. I, О вставочныхъ д и т,=Русскій Филологическій Вѣстникъ, т. V, стр. 233—238. Однако теперь я признаю, что, несмотря на сохраненіе группы *стл* въ видѣ *сл*—wiosło изъ в е с л о, в е с т л о, в е з-т л о; masło изъ м а с т л о, м а з-т л о, przęsło изъ п р ѣ с л о, п р ѣ с т л о, п р ѣ д-т л о,—*тл* междугласное и слѣдовавшее за *р* могло п е р е й т и въ *дл*. Предполагать подражательное возстановленіе d особенно удобно въ элевомъ причастіи, нпр. padł, kradł, wiódł (при padę, kradę, wiodę и т. д.). Причастія съ tł—plótł, miótł и т. д. почти навѣрное содержатъ не древнее, а востановленное t: если это не вставка, то замѣна возникшаго-было d. Говоря о сѣверозападныхъ *дл* и *тл*, разумѣется, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ такія слова, какъ siodło, miotła, рус. с ѣ д л о, м е т л а,=основнымъ с е д ь л о, м е т ь л а.

Сѣверозападною особенностью является также употребленіе звуковъ k и g въ словахъ kwiat (kwitnąć) и gwiazda—чеш. květ, hvězda, верхнелуж. kwětk, hwězda, нижнелуж. kwět, gwězda,

при югозападныхъ и русскихъ *ц* и *з* (s): староцерк. цвѣтъ (цвѣсти) и sвѣzда.

Объ ударенiи. Удареніе въ Польскомъ языкѣ всегда падаетъ на второй слогъ съ конца; dolina, твор. множ. dolinami, położyć—элевое причастіе położył, женскій родъ położyła, kąkol (куколь, сорная трава), род. kąkolu, дат. kąkolowi. За одно цѣлое съ предметницами считаются предлоги, такъ что на нихъ переносится удареніе односложныхъ предметницъ (однако не всегда). Примѣры: do nóg (къ ногамъ), we śnie (во снѣ), no na wsi и na wsi (въ деревнѣ, на дачѣ), dla żon, do nóg kochanki (къ ногамъ возлюбленной). Кромѣ подобныхъ полуисключеній встрѣчаются и дѣйствительныя исключенія: слова съ удареніемъ на третьемъ слогѣ съ конца: okolica при okolica, rzeczpospolita при rzeczpospolita; ogulem при ogułem. Далѣе удареніе на третьемъ слогѣ имѣютъ заимствованныя изъ Латинскаго слова на ia, ium, по-польски на ia, ya, ium, yum, напр. Emilia, Grecya, gimnazyum; впрочемъ, обыкновенно подводятъ эти слова подъ общее правило, дѣлая окончанія ихъ односложными: Emilja, Grecja, gimnazjum, а простой народъ произноситъ (какъ произносили и въ старину, что видно по риѳмамъ старинныхъ поэтовъ): Emilija, Grecyja II на счетъ правописанія такихъ словъ замѣчается разногласіе: одни пишутъ въ нихъ i, y, другіе—j, третьи ij, yj. Еще одно исключеніе (которое, пожалуй, не есть настоящее исключеніе) мы увидимъ въ морфологіи, при разсмотрѣніи глагольныхъ формъ.

Морфологія.

Склоненіе. Подобно большинству новославянскихъ языковъ Польскій утратилъ двóйное число, отъ котораго сохранились лишь отдѣльныя формы, которыя уже не имѣютъ соотвѣтственнаго значенія, а идутъ за множное ч.: oczy, твор. п. oczyma; въ народной рѣчи нерѣдко встрѣчается творники на *oma*: lasoma. Какъ слѣдъ двоины можно указать поговорку Mądréj głowie dość dwie słowie (умной головѣ довольно двухъ словъ, умный сразу пойметъ), которую впрочемъ уже стали измѣнять, говоря na słowie Двоина употреблялась еще въ XVI и XVII вв., хотя уже тогда

не выдерживалась строго: у Кохановскаго встрѣчаемъ нпр. z gołemi rękoma.

Еровое склоненіе.

Чтобы представить всѣ особенности ероваго склоненія, возьмемъ нѣсколько образцовъ: chłop (мужикъ) для одушевленныхъ предметовъ твердаго различія, dąb—для неодушевленныхъ того-же различія, król — для одушевленныхъ мягкаго различія и kąkol— для неодушевленныхъ этого различія. Не всегда однако нужно будетъ образовывать всѣ падежи отъ этихъ словъ, потому что мягкое и твердое различія во многихъ падежахъ не расходятся уже въ Староцерковномъ, а новые языки еще болѣе сгладили различія, примѣняя ихъ другъ къ другу; разница же между одушевленными и неодушевленными (иногда вмѣсто того между личными и неличными) сказывается лишь въ немногихъ падежахъ. Она попадается намъ прежде всего въ *рóдномъ падежѣ*: одушевленныя имѣютъ *a*: chłopa, króla, неодушевленныя—зашедшее сюда изъ уковаго сконенія—*u*: dębu, kąkolu Изъ этого правила есть однако цѣлый рядъ исключеній. Правда, одушевленныя строго выдерживаютъ *a*, и чуть ли не единственнымъ исключеніемъ является слово wół, род. wołu, которое помнитъ свое древнее склоненіе. Но очень часты исключенія изъ второй части правила: много неодушевленныхъ имѣютъ *a*: chléb, chleba; ser (syr), sera; młyn мельница, młyna; kościoł, kościoła; krzyż (крестъ), krzyża; miesiąc, miesiąca и др. Иныя слова колеблются между этими двумя окончаніями: las, lasa и -u; dwór, dwora и -u; stół, stoła и -u. Окончаніе u распространилось съ теченіемъ времени на счетъ *a*; въ старинномъ языкѣ нерѣдко видимъ *a* тамъ, гдѣ впослѣдствіи обязательно u: lud, luda, теперь ludu, naród, naroda, имѣющее и теперь *a* въ выраженіи co tu naroda (сколько тутъ народу); post, posta. Особенно много исключеній изъ нашего правила представляютъ слова мягкаго различія: здѣсь, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, указываютъ нѣсколько окончаній, принимающихъ въ рóдникѣ *a*, таковы: arz, erz, eń, el, ec — вообще въ этомъ различіи исключеній столько, что они, пожалуй, перевѣшиваютъ правило, которое оказывается такимъ образомъ справедливымъ только для твердаго различія.

Чешскій языкъ, раздѣляя особенность польскаго относительно твердаго различія, въ мягкомъ постоянно употребляетъ *e*: нпр. koukol, koukole; kůň, koně (*e* послѣ мягкихъ согласныхъ получилось изъ *a*). Неравномѣрность употребленья окончанія u находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что непосредственное вліяніе уковыхъ основъ могло быть только на твердое различіе.

Давальный п. Въ этомъ падежѣ окончаніе уковаго склоненія, owi, получило большое распространеніе и сдѣлалось обыкновеннымъ окончаніемъ: dębowi, królowi. Давальникъ на u уже сосоставляетъ исключеніе: его чаще другихъ образуютъ слова односложныя, нпр. Bogu, bratu, kwiatu, wiatru, chlebu. У нѣкоторыхъ словъ замѣчается колебаніе; такъ нпр. отъ слова kąt (уголъ) будетъ kątu и kątowi, отъ lew—lwu и lwowi.—Вниманія заслуживаетъ еще то́, что въ мягкомъ различіи мы имѣемъ то-же owi, вм. требуемаго праславянской фонетикой ewi — въ Староцерковномъ **конѥви, цѣсарѥви**. *О* не могло фонетически получиться изъ *e*, т. к. слѣдующій звукъ мягкій, а въ добавокъ изъ числа тѣхъ, передъ коими вообще не происходитъ расширенія. Въ старину иногда встрѣчается и ewi, нпр. królewi, однако и тогда уже owi преобладаетъ.

Винильный пад. Здѣсь, какъ и по-русски, проводится различіе между одушевленными и неодушевленными: у вторыхъ винильный падежъ равенъ назывному, а у первыхъ—ро́дному. Въ старинномъ языкѣ винильникъ равный назывнику встрѣчается иногда и у одушевленныхъ, нпр. wierzę w bóg oćca, żałował na Adama o wół (онъ жаловался на Адама изъ-за вола). Въ настоящее время эта форма сохранилась въ нѣсколькихъ нарѣчныхъ выраженіяхъ, нпр. iść zà mąż, żyć brat zà brat (жить душа въ душу), przebóg, prze żywy Bóg (ради Бога). Такой винильникъ употребляется и тогда, когда имя святого служитъ для обозначенія его праздника, нпр. na święty Michał, въ Михайловъ день (но и na świętego Michała). Иногда Поляки, подобно Русскимъ, дѣлаютъ отступленія въ другую сторону, т. е. придаютъ неодушевленнымъ окончаніе *a*. По-русски найти гриба, по-польски znaleść grzyba; по-русски плясать трепака, по-польски tańczyć menueta; также grać tuza (ходить съ туза). Впрочемъ, иные изъ этихъ случаевъ представляютъ, вѣроятно, не винильный, а родный падежъ.

Зовный п. Въ этомъ падежѣ отражаются обычныя староцерк. окончанія, т. е. *е* въ твердомъ, и *и* въ мягкомъ различіи, нпр. chłopie!, dębie!, królu!, kąkolu! Сохраняются и старыя формы со смягченіемъ: boże!, ojcze! Однако замѣчается стремленіе уклониться отъ смягченія, для чего пользуются заимствованнымъ изъ мягкаго различія окончаніемъ u, и образуютъ нпр. отъ слова szpak (скворецъ) — szpaku!, отъ szpieg (шпіонъ) — szpiegu!, отъ śmiech — śmiechu! U является и послѣ другихъ согласныхъ, нпр. synu! Правда, въ этомъ словѣ отражается его древняя принадлежность къ уковому склоненію, но u встрѣчается и въ новотворкахъ; нпр. ludu! и dziadu!, рядомъ съ dziadzie! Относительно двухъ послѣднихъ формъ грамматики утверждаютъ, что первая значитъ дѣдушка, а вторая—нищій. Врядъ ли это не выдумка. Впрочемъ, нѣкоторое основаніе для такого утвержденія можно видѣть въ томъ, что dziadzie форма архаическая и потому болѣе торжественная, такъ что къ нищему ея, вѣроятно, не примѣнятъ. Что касается формы ludu, то для ея возникновенія есть особая причина: образованное по обыкновенному способу ludzie! совпало бы съ назывнымъ и зовнымъ мн. ч. къ слову człowiek, которое, какъ и по-русски, само не образуетъ множнаго числа.

Творный п. представляетъ окончаніе em, нпр. chłopem, królem. Въ этомъ окончаніи отражаются основныя ъмь и ьмь.

Мѣстный п. совпадаетъ болѣе или менѣе съ зовнымъ, т. к. имѣетъ окончаніе *е* изъ древняго ѣ и перенесенное сюда изъ уковаго склоненія u, которое употребляется въ мягкомъ различіи и у словъ на k, g, ch, нпр. na dębie, w kąkolu, w znaku, w Bogu, w duchu. Старинный языкъ послѣ задненебныхъ представляетъ еще и наставку *е*, передъ которою k, g, ch измѣнялись въ c, dz, sz, нпр. w języce, w Bodze, w dusze *). Окончаніе u въ мягкомъ различіи употребляется издавна: уже въ старѣйшихъ памятникахъ нѣтъ органическаго i, за исключеніемъ одного примѣра въ Маргаритиной (Флоріанской) псалтыри: na stolcy отъ слова stolec (сѣдалище), да и этотъ примѣръ можно признать чехизмомъ. Въ мѣстномъ и совпадающемъ съ нимъ зовномъ падежѣ заслуживаетъ

*) Насчетъ sz ср. стран. 14, примѣч.

вниманія одно звуковое явленіе: т. к. здѣсь является мягкое окончаніе, то согласные твердые въ другихъ падежахъ оказываются мягкими, и передъ ними не происходитъ расширенія предшествующихъ имъ є и ѣ, нпр. anioł ангелъ представляетъ зовн. и мѣстн. aniele, las образуетъ lesie, świat—świecie. Однако изъ этого закона есть значительное число исключеній, такъ отъ lód, lodu—na lodzie, отъ strzał (выстрѣлъ)—w strzale; *о* и *а* въ эти формы зашли изъ другихъ падежей: срав. русскій выговоръ о клёнѣ, въ полётѣ, на берёзѣ. Нерѣдко замѣчается колебаніе, при чемъ обыкновенно преобладаютъ переиначенныя формы, нпр. Piotr—Pietrze, но чаще Piotrze, dział (часть)—dziele, но обыкновенно dziale Вторичная огласовка встрѣчается уже въ старопольскомъ, хотя тамъ нерѣдко сохраняются утраченныя теперь самородныя формы, нпр. na ledzie, w miedzie.

Множинный назывникъ. Въ этомъ падежѣ является различіе между именами личными и неличными—говорятъ про окончанія „личныя“ и „вещевыя“ (при чемъ однако къ предметамъ отнесены и животныя). Личныя имена сохранили древнее окончаніе назывнаго падежа, неличныя придали ему окончаніе древняго винительника.—Окончаніе именъ личныхъ твердаго различія есть i = основн. и староцерк. н, окончаніе вещевое y = осн. ы. Мы имѣемъ назывники: chłopi, но dęby, orły (orzeł). Понятно, что, по изложеннымъ выше звуковымъ законамъ, мы иногда находимъ древніе ы въ видѣ i, нпр. wilki, а съ другой стороны—и въ видѣ y, напр. отъ слова urzędnik (звуковой переводъ есть урядникъ, смысловой — чиновникъ)—urzędnicy, отъ слова piwowar—piwowarzy. Передъ окончаніемъ i, разумѣется, должны происходить измѣненія не только задненебныхъ и r, но также t и d, напр. student—studenci, żyd—żydzi. Относительно слова mnich—mnisi слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь древнее на первый взглядъ si произошло изъ szy: по-старопольски было mniszy, и лишь впослѣдствіи на мѣсто y подставили обыкновенное личное окончаніе i, при чемъ sz перешло въ ś*). Во множинномъ назывникѣ, при его

*) Слово это нѣсколько устарѣло, и въ значеніи монахъ обыкновенно употребляется слово zakonnik, отъ слова zakon—орденъ (монашескій).

мягкомъ окончаніи, естественно, должно было появиться такое же колебаніе въ огласовкѣ, какое мы видѣли въ нѣкоторыхъ одни́нныхъ падежахъ, нпр. отъ слова anioł мы имѣемъ anieli. — Еще весьма обычно въ разсматриваемомъ падежѣ окончаніе owie, которое идетъ изъ уковаго склоненія, нпр. pan—panowie. Это окончаніе сопряжено съ оттѣнкомъ уваженія и торжественности. (Однако оно иногда, особенно въ старину, является и помимо такого оттѣнка) Въ мягкомъ различіи мы имѣемъ тоже owie (вм. ewie; только въ старину изрѣдка встрѣчается и это окончаніе), нпр. król—królowie; очевидно мягкое различіе позаимствовалось у твердаго. Обыкновенное же окончаніе мягкаго различія есть *e*, которое употребляется и у личныхъ, и у неличныхъ именъ, нпр. uczeń (ученикъ) — ucznie (и uczniowie), złodziej (воръ) — złodzieje, rycerz (рыцарь)—rycerze, koń—konie, tchórz (хорекъ, трусъ)—tchórze, ul (улей)—ule, pacierz (отче нашъ, молитва)—pacierze. Форму на *e* считаютъ винильникомъ въ роли назывника, отожествляя польское konie со старорусскимъ конѣ, разновидностью староцерковнаго коня. У нѣкоторыхъ личныхъ *e* идетъ изъ старины, а именно, у словъ на -ciel (przyjaciel—przyjaciele, nauczyciel учитель—nauczyciele): оно соотвѣтствуетъ староцерковнымъ є и ие: оучитєлє, -тєлиє. Оконч. *e* является также въ твердомъ различіи, у словъ съ наставкою -ѣнинъ (-ꙗнинъ, -анинъ), нпр. mieszczanin (отъ слова miasto городъ) горожанинъ—mieszczanie, rzymianin римлянинъ—rzymianie.

Кромѣ указанныхъ уже случаевъ совпаденія личнаго окончанія съ вещевымъ, есть и другіе случаи, гдѣ двойственность не выдержана. Мы видимъ, что названія животныхъ принимаютъ иногда личную форму, нпр. wilk вм. wilki имѣетъ и wilcy, orzeł вм. обыкновеннаго orły—orłowie. Въ старинномъ языкѣ это особенно часто, такъ что даже слѣдуетъ различать не между именами личными и неличными, а между одушевленными и неодушевленными.—Съ другой стороны бываютъ случаи, когда личныя имена принимаютъ вещевую форму: такъ отъ слова polak образуется polacy, но встрѣчается и polaki. Граматики говорятъ, что съ употребленіемъ неличной формы соединяется оттѣнокъ презрѣнія (приближеніе лица къ животному). Это не совсѣмъ спра-

ведливо, т. к. можно указать мѣста, гдѣ такого оттѣнка нѣтъ Мицкевичъ, нпр., пишетъ szatan i anioły, противопоставляя дьяволу ангеловъ, какъ добрыя существа; онъ же пишетъ niech litewskie prowadzą was bogi (пусть провожаютъ васъ литовскіе боги).

Рядомъ съ разсмотрѣнными уже окончаніями, мы изрѣдка находимъ еще одно, которое весьма обычно въ Русскомъ языкѣ, а именно — *a*. Окончаніе это является у нѣкоторыхъ неличныхъ именъ, но никогда не господствуетъ исключительно; нпр. слово urząd (должность) образуетъ urzęda и urzędy, okręt (судно) — okręta и okręty, kamień—kamiona и kamienie (каменіе), jęczmień—jęczmiona и jęczmiony. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло у словъ cud и dziw, которыя имѣютъ cuda и dziwa: формы принадлежащія къ болѣе древнимъ cudo, dziwo; есть также cudy, dziwy. Окончаніе *a* принимаютъ еще нѣкоторыя слова заимствованныя изъ Латинскаго: akt—akta, talent—talenta. Это просто латинскія формы: въ старину Поляки любили пестрить рѣчь латинскими словами и фразами. Иные думаютъ что urzęda, okręta и т. п. появились по образцу заимствованныхъ akta, talenta и т. д., но мнѣ это объясненіе представляется невѣроятнымъ.

Родный падежъ. Здѣсь, какъ и по-русски, господствуетъ окончаніе, заимствованное изъ уковаго склоненія, которое по польской фонетикѣ звучитъ ów, нпр. panów, królów. Опять-таки въ мягкомъ различіи широкое окончаніе заимствовано изъ твердаго, и самородное ew встрѣчается только въ старину.

Въ соотвѣтствіе староцерковнымъ формамъ на ъ Польскій языкъ представляетъ нѣкоторые безсуффиксные рóдники; такъ отъ словъ на ianin: rzymianin, mieszczanin—rzymian, mieszczan. Безсуффиксные рóдники образуются также отъ названій народовъ, когда они во множинѣ употребляются для обозначенія странъ. Обозначая страну, эти слова въ назывникѣ принимаютъ неличныя окончанія, нпр. włoch (= старорус. волохъ, староцерк. влахъ) итальянецъ имѣетъ множи́нный назывникъ włosi — итальянцы и Włochy—Италія. Точно также отъ węgier венгерецъ—węgrzy и Węgry *). Рóдники же будутъ: włochów—итальянцевъ, но Włoch—

*) Однако, по сказанному выше, какъ вм. polacy можетъ употребляться polaki, такъ и вм. włosi, węgrzy—włochy, węgry

Италіи, węgrów — венгерцевъ, но Węgier — Венгріи (нпр. do Włoch — въ Италію, do Węgier — въ Венгрію). Безсуффиксный ро́дникъ сохранился и отъ слова czas, но только въ составѣ нарѣчія dotychczas до нынѣ, до тѣхъ поръ. Въ старину можно чаще встрѣтить безсуффиксные ро́дники, но окончаніе ów издавна составляетъ правило.

Въ мягкомъ различіи вм. ów является также i (со звуковымъ варьянтомъ y). Это i идетъ изъ ижеваго склоненія и=староцерковному ии, русскому ей: пѫтии, путей; такимъ образомъ і у нѣкоторыхъ словъ есть органическое, нпр. gość—gości, ludzie—ludzi, łokieć—łokci. (Въ старину также и łokiet: слѣдуетъ думать, что слово лакъть первоначально имѣло основу на t и изъ согласнаго склоненія перешло сначала въ ижевое, а затѣмъ въ еровое). Это окончаніе встрѣчается и у словъ искони державшихся ероваго склоненія, нпр. отъ król можно образовать не только królów, но и króli = рус. королей, отъ pisarz писатель—pisarzów и pisarzy = рус. писарей.

Дательный пад. Въ этомъ падежѣ мы видимъ окончаніе om, нпр. chłopom, królom. Въ мягкомъ различіи om есть подражательная замѣна фонетическаго em. Впрочемъ, и въ твердомъ различіи возникаетъ затрудненіе: *о* въ закрытомъ слогѣ передъ голосовымъ согласнымъ должно было бы подвергнуться сжатію, и мы ожидали бы óm — chłopóm. Въ старопольскомъ мы дѣйствительно и видимъ въ такихъ случаяхъ наклоненіе. Кромѣ того, тамъ встрѣчается и окончаніе ám, перенесенное сюда изъ азо́ваго склоненія. Поэтому, кажется, для объясненія новопольскаго *om* приходится допустить, что между наклоненнымъ *о* и наклоненнымъ *а* состоялась сдѣлка, которая привела къ *о* чистому.

Винительный п. Объ этомъ падежѣ уже было сказано по поводу назывнаго, т. к. у именъ неличныхъ его форма перенесена и на назывный п. Относительно же именъ личныхъ слѣдуетъ замѣтить, что у нихъ винительникъ, какъ и по-русски, равенъ ро́днику, нпр. chłop, вин. chłopów, król—królów и króli. Впрочемъ и личныя названія не вполнѣ утратили форму винительника, и употребляются еще chłopy, proroki, króle и т. д. Въ старинномъ языкѣ своеобразные винительники были весьма распространены и составляли даже правило.

Творный п. Въ творникѣ, какъ и по-русски, господствуетъ азóвое окончаніе — ami, нпр. chłopami, królami. Это окончаніе перенесено и въ óновое склоненіе, нпр., sioło — siołami, pole — polami. Впрочемъ въ старину были обычны и до сихъ поръ сохранились древніе твóрники на у и на і. Въ настоящее время это окончаніе допускается только тогда, когда падежъ предметницы достаточно опредѣленъ предшествующимъ прикладкомъ или предлогомъ, напр. krzywymi dzioby (dziób—клювъ), z mosiężnemi dzwonki (съ латунными колокольчиками). Эта форма, преимущественно книжная, встрѣчается и въ просторѣчіи, нпр. polować z charty (охотиться съ борзыми). Является она и у словъ средняго рода, нпр. świętemi usty; притомъ слова оноваго склоненія чаще допускаютъ ее, потому что у нихъ она не совпадаетъ съ другими падежами. Въ мягкомъ различіи встрѣчается и окончаніе mi, которое въ большинствѣ случаевъ равно основному ьмн, т. е. является у словъ ижеваго склоненія, нпр. ludźmi, но перенесена и на другія слова, нпр. końmi, królmi. Въ твердомъ разл. оконч. mi имѣетъ слово wół: wołmi, но это—форма уковаго склоненія, къ коему это слово нѣкогда принадлежало. Въ старѣйшихъ памятникахъ mi встрѣчается нерѣдко и у другихъ словъ: chlebmi рядомъ съ chleby, językmi рядомъ съ języki; въ мягкомъ различіи это даже, можно сказать, единственное окончаніе старѣйшаго языка: mężmi, królmi и т. д.*). Mi служило мостомъ для болѣе поздняго, возникшаго въ XVI, можетъ быть въ XV в., ami.

Мѣстный п. обыкновенно сходенъ съ русскимъ, т. е. усвоилъ себѣ окончаніе азóваго склоненія ach, напр. chłopach, królach; то-же и въ оновомъ склоненіи, нпр. siołach. Только какъ рѣдкій архаизмъ встрѣчается окончаніе равное староцерк. ѣхъ. Является оно у названій народовъ, когда они обозначаютъ страны, нпр. we Włoszech (въ Италіи)**), w Węgrzech (въ Венгріи). Кромѣ того оно допускается, какъ дублетъ къ формѣ на ach, у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, нпр. czasach и czasiech (czas—время), kwiatach и kwieciech (kwiat—цвѣтокъ). Подоб-

*) I (т. е. надо думать у: старѣйшее письмо не различаетъ звуковъ и и ы) встрѣчается только въ полутвердой разновидности у словъ на ьць, нпр. оéсу.

**) Относительно sz см. выше, стран. 14, примѣч.

нымъ же образомъ и у словъ о́новаго склоненія встрѣчается ech, нпр. отъ слова lato (которое, подобно русскому лѣто, имѣетъ два значенія, такъ что lata служитъ множино́ю къ слову rok, годъ)—latach и leciech; отъ слова niebo—na niebiosach и na niebiesiech. Окончаніе ech чаще чѣмъ въ литературномъ языкѣ является въ простонародномъ, а въ старину оно составляло правило.—Кромѣ этихъ окончаній въ Старопольскомъ встрѣчается еще och, которое слѣдуетъ сопоставлять со старослав. охъ, являющимся рядомъ съ ѣхъ въ уковомъ склоненіи, нпр. старопольск. synoch, bogoch; встрѣчается оно и въ мягкомъ различіи, нпр. dnioch.—Соотвѣтствія старославянскому окончанію нхъ мы не находимъ ни теперь, ни въ старину.

Двойное число сохранялось въ Старопольскомъ, хотя уже и тутъ вымирало. Въ еровомъ склоненіи оно является въ слѣдующемъ видѣ: н. з. в.—chłopa, króla, р. м. chłopu, królu, д. тв. chłopoma, króloma (вм. органическаго królema). У именъ одушевленныхъ ро́дникъ на u служитъ и винительникомъ, нпр. Янъ Кохановскій пишетъ: widzę dwu Kazimierzu я вижу двухъ Казимировъ, dwu kotu w jeden wór źle sadzać дурно сажать двухъ котовъ въ одинъ мѣшокъ, два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ.—Относительно двоины въ современной народной рѣчи нужно замѣтить, что сохранились выраженія dwa grosza, dwa garnca (обыкновенно dwa grosze, dwa garnce) и нѣкоторыя другія.

Особенности отдѣльныхъ словъ. Множина слова przyjaciel, за исключеніемъ назывника, можетъ во всѣхъ падежахъ представлять твердыя окончанія вм. мягкихъ. Эта особенность является и въ Староцерк. у словъ на тєль, нпр. житєль—множ. ро́дникъ житєлъ. Эти основы нужно возводить къ древнимъ согласнымъ основамъ. Значитъ, слово przyjaciel во множинѣ можетъ измѣняться такъ: наз. przyjaciele, родн. -ciół, дав. -ciołom, вин. -cioły (или=родн.), творн. -ciołmi, мѣстн. -ciołach. Далѣе отмѣтимъ слова: brat, ksiądz (священникъ) и szlachcic. У этихъ словъ множину замѣняютъ собирательными предметницами. Со словомъ братъ поступаютъ такъ почти во всѣхъ славянскихъ языкахъ: и въ Староцерк. братнѣ или братрнѣ. По-польски въ старину bracia

и księża склонялись по однинѣ̀, но теперь являются также формы, образованныя по смыслу, т. е. съ окончаніями множи́нными, иногда и вовсе вытѣснившія старинныя формы; винильникъ замѣненъ ро́дникомъ, какъ это обычно у названій лицъ: braci, księży; вмѣстѣ съ тѣмъ утратился и пад. зовный: онъ замѣняется назывнымъ. Ближе къ своему первоначальному склоненію осталось слово szlachta. Слово это (заимствованное изъ Нѣмецкаго языка: старонѣм. slahta, нынѣшнее Geschlecht) до сихъ поръ склоняется по однинѣ̀, только зовный пад. замѣненъ назывнымъ. Прикладки и глаголы при немъ ставятся въ одинномъ ч., хотя и не всегда (при bracia и księza множина̀ обязательна).

Склоненіе о́новое. Въ дополненіе къ сказанному объ этомъ склоненіи подъ соотвѣтственными падежами е́роваго склоненія, отмѣтимъ, что одни́нный ро́дникъ здѣсь всегда оканчивается на *a*, и окончанія u вовсе нѣтъ. Это имѣетъ свою причину въ томъ, что уковое склоненіе непосредственно могло вліять только на мужескія слова. Въ давальникѣ вездѣ господствуетъ u, а owi, какъ и въ Староцерк., почти не встрѣчается. Во множинѣ̀ для назывника, зовника и винильника существуетъ оконч. *a*, нпр. sioła. Впрочемъ встрѣчается и замѣна этого *a* черезъ *y*, нпр. sioły, что̀ бываетъ и по-русски. Ро́дникъ сохранилъ древній безсуффиксный видъ—siół, pól = староцерк. сєлъ, поль. Этому образованію слѣдуютъ и слова̀ іотоваго различія, съ окончаніемъ ниє, которое по-польски звучитъ ie, нпр. kazanie (проповѣдь)—kazań, uczucie (чувство)—uczuć, вм. староцерковныхъ казании,*оучоутии. Иногда, впрочемъ, встрѣчается и окончаніе ów (ср. рус. просторѣчныя дѣло́въ, мѣсто́въ). Школьная грамматика рекомендуетъ употреблять это окончаніе у словъ односложныхъ, напр. отъ слова dno имѣемъ dnów, отъ szkło стекло—szkłów, хотя есть и den, = староцерковному дънъ, и szkieł, подобное русскому стёколъ. Далѣе, ро́дникъ на ów составляетъ правило у словъ увеличительныхъ на isko, когда они происходятъ отъ словъ муж. р., нпр. chłopisko (мужичище), производное отъ chłop, имѣетъ chłopisków. Въ третьихъ, окончаніе ów присвоено словамъ на wie, нпр. przysłowie (поговорка)—przysłowiów. Наконецъ, такой же ро́дникъ имѣютъ слова̀, заимствованныя изъ Латинскаго языка, на yum, ium. Слова̀

эти въ од. ч. не принято склонять*), а народная рѣчь переводитъ ихъ въ жен. родъ Итакъ, gimnàzjum (народное gimnazŷja)—множинный родн. gimnàzjów (назывникъ gimnàzja) **). Однако встрѣчаются ро́дники на ów и помимо указанныхъ случаевъ, а народные говоры нерѣдко даютъ этой формѣ большой просторъ, почти вовсе не употребляя безсуффиксной. Отмѣтимъ еще двойные падежи siele и poli, соотвѣтствующіе староцерк. на ѣ и на н. И по настоящее время въ народной рѣчи и у писателей встрѣчаются двойныя формы dwie (также trzy, cztery) lecie.

Азо́вое склоненіе. Давальный, онъ же и *мѣстный, падежъ* твердаго различія, передъ своимъ узкимъ окончаніемъ, представляетъ ту же звуковую особенность, которую мы видѣли въ склоненіяхъ еровомъ и оновомъ, нпр. siostra, дав.-мѣст. siestrze, gwiazda—gwieździe. Опять-таки эти формы еще въ старину стали замѣняться подражательными, заимствовавшими широкіе гласники *o* и *a* у другихъ падежей: siostrze, gwiaździe. Въ Новопольскомъ это стремленіе усилилось, хотя самородныя формы окончательно не вытѣснены, а у иныхъ словъ даже преобладаютъ: нпр., отъ żona теперь всегда żonie, отъ siostra обыкновенно siostrze, но gwieździe употребляется чаще чѣмъ gwiaździe.

Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе на падежи *винительный* и *творный*—въ первомъ мы находимъ окончаніе ę: rybę, во второмъ—ą: rybą. Творникъ rybą можно сопоставить со староцерковнымъ дублетомъ къ формѣ рꙑбоѫ—рꙑбѫ. Миклошичъ сперва думалъ, что окончаніе ѫ есть настоящее именное, а оѫ заимствовано изъ мѣстоименнаго склоненія; однако, въ своей монографіи „О долгихъ гласныхъ въ славянскихъ языкахъ“, онъ призналъ, что ѫ могло получиться изъ оѫ черезъ стяженіе Въ пользу этого говоритъ польское ą, восходящее къ ѫ долгому, тогда какъ вин. предполагаетъ ѫ̀, соотвѣтственно чему въ Чешскомъ вин. rybu, тв. rybú (старочешскій, по-новочески rybou).

Множинный ро́дникъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ окончаніе ów. Школьная грамматика допускаетъ это окончаніе у односложекъ, нпр. mgła—mgłów, pchła блоха—pchłów (также pcheł).

*) Такъ поступаютъ со всѣми латинскими словами на um. нпр. centrum.

**) Насчетъ колебаній въ суффиксѣ см. выше, стран. 17.

Однако у писателей иногда встрѣчаются формы въ родѣ rzęsów рѣсницъ, palmów, а народная рѣчь нерѣдко присвояетъ это окончаніе всѣмъ словамъ, почти вовсе не допуская безсуффиксности.

Множ. творникъ. Когда азовое окончаніе ami было перенесено на другія склоненія, тогда, наоборотъ, въ азовое склоненіе стала заходить форма ероваго и оноваго склоненія: имѣя при sadami архаическое sady, и къ rybami образовали ryby. Мицкевичъ, нпр., пишетъ różowemi wstęgi (розовыми лентами). Попадается также mi, по образцу ижеваго сконенія, нпр. falmi вм. falami (fala—волна), szponmi (szpona—коготь).

Двойное ч. Назывно-винительно-зовный п. rybie, родно-мѣстный rybu, давально-творный rybома (при староцерк. рыбама). Замѣтимъ, что двойныя формы на ie и до сихъ поръ встрѣчаются въ народной рѣчи, а dwie babie читается у Мицкевича въ „Панѣ Тадеушѣ“, пѣсня VI.

Мягкое различіе. Здѣсь заслуживаютъ вниманія архаическіе назывники на i, а именно на yni: gospodyni, bogini. Такое же і имѣетъ и слово pani. Въ старину это окончаніе придавалось и слову łani (лань, оленица), теперь же говорятъ łania, какъ по-русски вм. богини—богиня.

Родный п., не представляя особенности по сравненію съ Русскимъ языкомъ, расходится со Староцерковнымъ: именно мы имѣемъ gospodyni, ziemi, źmii (отъ źmija). (Исчезновеніе въ послѣднемъ реченіи j есть особенность чисто-орѳографическая: передъ каждымъ польскимъ і подразумѣвается легкій j, такъ что звуковая транскрипція будетъ źmiji). Окончаніе і могло зайти сюда изъ склоненія ижеваго, а, кромѣ того, тутъ можно видѣть и вліяніе твердаго различія. Въ старинной и въ народной рѣчи встрѣчаемъ форму на *e*, не допускаемую въ литературной (у Мицкевича она встрѣчается, но всего разъ, а именно źmije). Это *e* выводятъ изъ ѣ, сопоставляя źmije со старорусскимъ змиjѣ, при староцерковномъ ѕмиѣ. Срв. выше, стр. 22. Старопольская рѣчь имѣла для этого падежа еще одно окончаніе—éj: źmijéj (то же въ дав. и мѣст.); это окончаніе заимствовано изъ сложнаго склоненія, т. е. у прикладковъ.

Винильный п. Въ этомъ падежѣ мягкое различіе отличается отъ твердаго тѣмъ, что иногда имѣетъ вмѣсто ę—ą. Такое ą, во первыхъ, присвоено словамъ на nia съ предшествующимъ согласнымъ, нпр. suknia (платье)—suknią. Далѣе, пришлымъ словамъ на ya, ia, нпр. Màrya—Màryą, emàlia (эмаль)—emàlią. Является оно еще у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ—wola, dola, rola (пашня). Однако ą нигдѣ не господствуетъ исключительно: всѣ слова принимающія его допускаютъ и обыкновенное ę. Окончаніе ą можно объяснить подражаніемъ сложному склоненію; хотя въ такомъ случаѣ странно, почему оно не распространилось и на твердое различіе. Миклошичъ видѣлъ здѣсь стяженіе и выводилъ wola изъ в о л и j а, въ пользу чего говоритъ старинный и народный выговоръ wolá; однако такое стяженіе само по себѣ не вѣроятно, и Чешскій языкъ представляетъ краткое окончаніе: vůle изъ болѣе ранняго vól'a.

Зовный п. Окончаніе *o*, сохранившись въ твердомъ различіи, распространилось и на мягкое, нпр. wolo! Въ старину встрѣчается нѣсколько органическихъ зовниковъ на *e*: во Флоріанской псалтыри—dusze!, gospodze! Такъ-какъ пригнуска въ концѣ слова обыкновенно исчезаетъ, то зовный падежъ совпадаетъ съ творнымъ, а въ мягкомъ различіи отчасти и съ винильнымъ.—Своеобразный зовникъ имѣютъ ласкальныя формы собственныхъ именъ и нѣкоторыхъ названій родства, напр. Kasia (Катя)—Kasiu!, babula—babulu! Для объясненія этого окончанія, очевидно идущаго изъ мягкаго различія ероваго скл., Бодуэнъ-де-Куртенэ предположилъ, что оно первоначально явилось только у тѣхъ ласкальныхъ именъ, которыя можно бы назвать подвижными, переводя латинскій терминъ substantiva mobilia, какъ Józio и Józia (ласк. къ Józef и Józefa), Władzio и Władzia (Władysław, Władysława), Kazio и Kazia (Kazimierz, Kazimiera), Ludwiś и Ludwisia (Ludwig и Ludwiga). Потомъ это окончаніе распространилось и на другія ласкальныя имена и, наконецъ, на ласкальныя названія родства.

Множинный назывникъ (онъ же *винильникъ* и *зовникъ*) представляетъ оконч. *e*, нпр. źmije, староцерк. ѕмиѣ. Такое же соотношеніе, *e* при староцерк. ѧ, мы видѣли въ единственномъ ро́д-

никѣ этого же склоненія и различія, а также въ одной формѣ склоненія ѣроваго (срв. стр. 22); опять-таки въ Старорусскомъ здѣсь является ѣ: ꙁмиѣ, ꙁѣмлѣ и т. п.

Родный п. Въ этомъ п., кромѣ безсуффиксности, мы видимъ окончаніе i. Это i,=ни, какъ и рус. ей, зашло сюда изъ склоненія йжеваго. Окончаніе i обыкновенно принимаютъ слова на la, nia съ предшествующимъ согласнымъ, во избѣжаніе вставки гласнаго, нарушающей соотвѣтствіе съ другими падежами, напр. kropla (капля)—kropli (но и kropel), suknia—sukni (и sukien). Кромѣ того, это же окончаніе присвоено и заимствованнымъ словамъ на ya, ia, напр. tragedya—tragèdyi. Подобнымъ же образомъ и отъ туземнаго слова nadzieja (надежда, малорус. надія)—nadziei. Множный рóдникъ у такихъ словъ совпадаетъ съ одиннымъ.

Двоинà (старопольская). Назывно-зовно-винительный п. woli, родно-мѣстн. wolu, давально-творн. woloma. Двоинная форма, но уже безъ двоиннаго значенія, сохраняется въ выраженіи dwie (также trzy, cztery) niedzieli[г]), рядомъ съ обыкновеннымъ niedziele.

Особенности отдѣльныхъ словъ. Словà азоваго склоненія муж. р. нѣсколько измѣнили свое первоначальное склоненіе. Обыкновенно они, сохраняя вообще старинныя окончанія, образуютъ множинный назывникъ и рóдникъ по ѣровому склоненію, или, можно сказать (такъ-какъ остальныя окончанія общи обоимъ склоненіямъ), склоняются въ одинномъ ч. по азовому скл., а во множномъ—по ѣровому: monarcha, monarchy и т. д., но monarchowie, monarchów; jezuita, -ty —jezuici, jezuitów; dozôrca (смотритель), dozôrcy—dozôrcy, dozôrców[**]). Большее еще смѣшеніе формъ представляютъ словà sędzia (сѫдии), hrabia (графъ) и rękojmia (поручитель), которыя измѣнили также и одинну̀: сначала усвоивъ себѣ, наравнѣ съ другими словами мягкаго различія, оконч. éj и образовавъ родный и давально-мѣстный п. sędziéj и т. п., они затѣмъ по смыслу стали замѣнять его формами

г) Niedziela=церковнослав. **недѣлꙗ**, т. е. воскресенье; седмица называется tydzień, род. tygodnia. Однако множина значитъ также „недѣли“.

[**]) При мягкомъ окончаніи, напр. cieśla (плотникъ), также множинный назывникъ cieśle можно относить и туда, и сюда.

мужескаго рода на ego, emu, im: sedziego, sędziemu и sędzim. Въ иныхъ падежахъ замѣчается колебаніе, нпр. въ вин. говорятъ sędzię по азовому склоненію и sędziego—по сложному. Особенность представляетъ также слово ręka, сохранившее до настоящаго времени двоинныя формы: ręce, ręku, rękoma; однако, уже въ старину на ряду съ ними существовали и множинныя формы. Въ современной рѣчи сохранился назывникъ ręce, ро́дникъ будетъ rąk, давальникъ rękom,—rękoma только творникъ, при чемъ употребляется также rękami,—мѣст. ręku, но чаще rękach. Притомъ ręku сохраняетъ множинное значеніе только въ книжномъ языкѣ, въ просторѣчьи же принимаютъ его за одинное ч., т. е. за мѣстникъ по еровому или оновому склоненію, какъ w potoku, w oku и т. п., что̀ встрѣчается и у писателей: Мицкевичъ напр. пишетъ w moim ręku. Различіе по значенію между двоинными и множинными формами сгладилось довольно рано: уже у Яна Кохановскаго встрѣчаемъ ихъ употребленіе въ противоположномъ первоначальному значенію смыслѣ: z rąk złego człowieka и z ręku nieprzyjaciół. (Въ первомъ случаѣ, по старинному синтаксису, было обязательно дво́йное ч., а во второмъ могло бы стоять и множное).

Ижевое (или *еревое*) *склоненіе*. Всѣ новославянскіе языки утратили въ этомъ скл. слова̀ муж. р. Судьба такихъ словъ была двоякая: или они переходили въ еровое склоненіе (по-польски, какъ и по-русски, всегда въ мягкое его различіе), или, оставшись въ ижевомъ, мѣняли мужескій родъ на женскій. Собственно, вмѣсто перехода въ еровое склоненіе, лучше говорить о сліяніи съ нимъ, т. к. нѣкоторые падежи ижеваго склоненія уцѣлѣли и даже породили подражательныя образованія, таковы множ. родн. gości, ludzi и творн. gośćmi, ludźmi (ср. стр. 24 и 25), но именно вслѣдствіе этого они перестали быть характерными формами ижеваго склоненія. Очевидно, по тому же склоненію образованы назывники goście, ludzie (староцерк. гостіе, людіе), но они тоже не характерны, т. к. совпадаютъ съ обычными назывниками мягкаго различія ероваго скл. Вин. gości, ludzi мы также должны отожествлять со староцерк. гости, люди, но и эти формы не характерны, т. к. совпадаютъ съ ро́дникомъ, а потому

для сознанія современнаго поляка являются родниками въ роли винительниковъ.

Итакъ слова, идущія въ настоящее время по ижевому скл., всѣ женскаго р. Слова эти могутъ забѣгать подъ образецъ азоваго склоненія, а именно въ мягкое его различіе: такъ родн п. вм. органическаго *i* имѣетъ также *e*, напр. dłoń—dłonie; та же форма служитъ множиннымъ назывникомъ и винильникомъ. На ряду съ этимъ замѣчается колебаніе въ однинномъ назывникѣ и винильникѣ, напр. назывникъ karm и karmia (кормъ), винильникъ karm и karmię. То-же самое у именъ ласкальныхъ на usia, напр. ciotusia и ciotuś (тетушка), вин. ciotusię и ciotuś. Въ основаніи такой двойственности лежитъ, вѣроятно, исконная двойственность у нѣкоторыхъ словъ: можно думать, что напр. при głębia издавна стояла форма głąb=рус. глубь. Множинный творникъ почти утратилъ свое оконч. mi=ьмн и замѣнилъ его азовымъ оконч. ami, напр. kościami; какія-нибудь dłońmi, nićmi уже представляютъ исключеніе. (То-же и по-русски).

По ижевому скл. въ Староцерк. склоняется и двоина къ **око** и **оухо**: **оуи**, **оуию**, **оуима**; **оуши**, **оушию**, **оушима**, которая находитъ себѣ правильное соотвѣтствіе въ польс. oczy, oczu, oczyma; uszy, uszu, uszyma. Однако эти формы въ современномъ языкѣ отчасти могутъ, а отчасти должны замѣняться соотвѣтственными множинными формами. Въ родникѣ вм oczu, uszu встрѣчаемъ oczów, uszów и ócz, usz, древняя же форма на u отошла на задній планъ. Дав. п. имѣетъ исключительно множинную форму: oczom, uszom. Въ творномъ рядомъ съ oczyma, uszyma стоятъ oczami, uszami. Множинная форма преобладаетъ также въ мѣстн. п.: oczach, uszach.

Склоненіе нарощальное. Согласныя основы, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, можно считать вымершими: характерныхъ флексій, каковыхъ мало и въ Староперковномъ, мы не находимъ вовсе, и слабый слѣдъ согласнаго склоненія сохраняется лишь въ видѣ нарощенія и въ видѣ колебанія между мягкимъ и твердымъ различіемъ, при чемъ первое является въ одинномъ ч., а второе во множномъ.

Слова муж. р. новаго или *нашеваго различія* перешли въ мягкое различіе ероваго скл.: староцерк. **камы, камене** измѣнилось въ kamień, kamienia и т. д. (**камень** преобладаетъ уже въ Староцерк.). Слѣдъ древняго склоненія можно бы видѣть въ множинной ф. kamienie, сближая ее съ основнымъ **камене** (=греч. ἄκμονες), коего однако въ Староцерк. не встрѣчается: мы постоянно читаемъ собирательное **каменіе**, что̀ по-польски также могло дать kamienie. Нѣкоторую память о согласномъ склоненіи сохраняетъ слово dzień: въ мѣстн. п. we dnie=осн. **въ дьне**, хотя есть и ф. dniu. Древнюю, но тоже не характерную, ф. можно видѣть во множн. назывн. dnie, рядомъ съ болѣе употребительнымъ dni: dnie можетъ равняться осн. **дьне**, хотя его можно выводить также изъ осн. **дьнїе**, образованнаго по ижевому скл. Какъ память о древнихъ назывникахъ на **ы** отмѣтимъ уменьшительныя kamyk, krzemyk, płomyk и т. д. (къ kamień, krzemień, płomień). Эти слова несомнѣнно произошли отъ назывника на **ъ**: по примѣру того, какъ **цвѣт-ъ** имѣетъ при себѣ **цвѣт-ъкъ**, отъ **кам-ы** образовали **кам-ыкъ**.

Нашевое различіе сред. р. Слово imię представляетъ ро́дникъ imienia, множн. назывникъ соотвѣтственно староцерк. **имена**—imiona. Такимъ образомъ однина́ (если не считать нарощенія) идетъ по мягкому различію оноваго скл., а множина́—по твердому. По примѣру двойственности imienia—imiona возникли двѣ новотворки: nasienie (=***насѣнїе**) сѣмя образовало nasiona, ziele (**зелїе**)—zioła. Срв. kamiona, jęczmiona, -y, стр. 23.—Носовой назвукъ въ словѣ imię обыкновенно не договаривается, притомъ и въ тѣхъ говорахъ, которые сохраняютъ конечную пригнуску: надо думать, что тутъ вліяло мягкое различіе оноваго скл., т. е. такія формы какъ pole. Исходя отъ назывно-винительника на *е*, образуютъ иногда косвенные падежи безъ нарощенія, напр. вм. imienia—imia (что́ встрѣчается и по-русски).

Твердовыя основы представляютъ то же чередованіе мягкихъ окончаній съ твердыми, какъ нашевыя. Староцерк. **теля, телятє** по-польски является въ видѣ cielę, cielęcia; множн. наз. cielęta, род. cieląt, дав. cielętom, тв. cielętami, мѣст. cielętach. Въ ро́дникѣ cieląt есть звуковая неправильность: сжатіе передъ издавна

безголоснымъ со́звучникомъ. Слово dziecię,=основ. дѣтъ, склоняется въ однинѣ, какъ cielę, а множина̀, какъ и въ Русскомъ и въ Старо-церковномъ, слѣдуетъ ижевому скл.: наз. dzieci, род. dzieci, дав. dzieciom, тв. dziećmi, мѣст. dzieciach.

Эсовыя или *слововыя основы* представлены только однимъ реченіемъ niebo, и только во множинѣ—niebiosa; при этомъ употребляется также множина̀ nieba. Изъ стариннаго языка можно отмѣтить у Яна Кохановскаго мѣстн. пад. na kolesie, при назывникѣ koło (рус. колесо).

Вѣдевыя основы, какъ и во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, перешли въ ижевое склоненіе, а иногда въ азовое: вм. црькы—cerkiew, иногда cerkwa (впрочемъ самое это слово рѣдкое, обыкновенно употребляется kościoł). Основаніе для такихъ формъ было дано уже въ Праславянскомъ языкѣ. Подобно cerkiew образовано krew, род. krwi (въ старину krwie: форма древняя, но не характерная, т. к. можетъ быть отнесена къ мягкому различію азоваго скл.); у этого слова Старопольскій яз. представляетъ одно древнее образованіе, не уцѣлѣвшее даже въ Староцерк.: назывникъ krу (крꙑ, въ видѣ krі, существуетъ еще у Словенцевъ).

Основы рцовыя—матн и дъштн утрачены: онѣ замѣнены производными matka и со́rka (*дъштєръка). Кромѣ того, въ поэзіи и въ народной рѣчи есть еще со́га. Въ языкѣ народномъ и старинномъ мы, однако, встрѣчаемъ mać, род. macierze, тв. macierzą.

Склоненіе личныхъ мѣстоименій. Примыкающее къ именному склоненію склоненіе мѣстоименій личныхъ и возвратнаго представляетъ нѣкоторыя особенности. Мѣстоим. 1 л. въ наз. пад. звучитъ ja, какъ почти во всѣхъ новослав. языкахъ; въ старину (во Флор. псалт.) встрѣчаемъ и форму jaz. Далѣе заслуживаетъ вниманія род. п. mnie, при староцерк. мєнє; очевидно родн. примѣнился къ дав. mnie и къ тв. mną,=староцерк. мънѣ и мъноѫ. Въ мѣстоим 2 л. и въ возвратномъ рѡдникъ представляетъ органическія ciebie, siebie, равныя староцерковнымъ тєбє, сєбє. Mnie, ciebe и siebie служатъ также винильниками, хотя сохраняются и mię, cię, się, = стрцрк. мѧ, тѧ, сѧ; первыя формы—полновѣсныя, сильныя, употребляемыя въ началѣ предложенія, въ соединеніи съ предлогами и подъ логическимъ удареніемъ, а

вторыя—энклитическія, слабыя *). Какъ винильникъ позаимствовался у ро́дника сильною формою, такъ, наоборотъ, ро́дникъ взялъ у винильника слабую. Въ падежѣ давальномъ мы видимъ mnie и tobie, sobie, при старослав. тебѣ, себѣ. У мѣст. 2 л. и у возвратнаго мы находимъ такимъ образомъ огласовку неодинаковую со старославянскою; въ Старослав. такая огласовка является въ творникѣ тобоѭ, собоѭ, но я не рѣшаюсь утверждать, что давальникъ заимствовалъ ее у творника. И въ языкѣ Чешскомъ мы находимъ tobě, sobě; ту же огласовку представляютъ русскія народныя и старинныя т о б ѣ, с о б ѣ; т е б ѣ, с е б ѣ заподозрѣны въ книжномъ происхожденіи. Въ этомъ пад. при сильныхъ формахъ мы находимъ и слабыя—mi, ci Однако si утрачено и сохраняется лишь въ видѣ ś, въ качествѣ суффикса, который, присоединяясь къ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ, придаетъ имъ значеніе неопредѣленности: kto кто, ktoś—кто-то; gdzie гдѣ, gdzieś—гдѣ-то и т. д. Подобно тому какъ si сократилось въ ś, и ci можетъ сокращаться въ ć. Объ остальныхъ формахъ личныхъ мѣстоименій распространяться нечего: онѣ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ русскими, а отъ старославянскихъ отличаются только утратой древнихъ винильниковъ ѫ и ѣ, мѣсто которыхъ, какъ и по-русски, заступаютъ ро́дники. Изъ двоинныхъ формъ слѣдуетъ указать wa вм. старослав. вѣ. (Формы 2 л. не отмѣчено).

Мѣстоименное склоненіе.

Особаго мѣстоименнаго склоненія по-польски не существуетъ: оно совпало со сложнымъ. Остаткомъ этого склоненія являются падежи родный и давальный вопроснаго мѣстоименія kto—kogo и komu. Однако падежи творн. и мѣстн. имѣютъ общую форму kim, совпадающую съ формами сложнаго склоненія: въ Старославянскомъ твор. цѣмь, а мѣст. комь; впрочемъ вм. цѣмь употребляется и кѣмь, принадлежащее собственно къ мѣстоим. кѣи, коѥ, кам; изъ этого кѣмь, разумѣется, и происходитъ польское kim, замѣнившее собою и мѣстникъ комь, очевидно потому, что въ слож-

*) Въ соединеніи съ предлогами являются иногда и „слабыя“ формы.

номъ склоненіи эти падежи совпадаютъ. Соотвѣтствующее kto отрицальное мѣстоим. nikt также имѣетъ nikogo, nikomu. Что касается назывника nikt, то его слѣдуетъ объяснять примѣненіемъ къ именному скл., гдѣ *o* (за немногими исключеніями, какъ ласкальныя Józio и т. п.) свойственно только среднему р.; въ формѣ же kto *o* нельзя было опустить, т. к. получилось бы невозможное сочетаніе согласныхъ безъ гласнаго. Подобно вопросному мѣстоименію личному, надо думать, сохраняетъ мѣстоименныя формы и вопросное мѣст. предметное—czego, czemu, но это формы не характерныя, да и не очень древнія: въ Староцерк. ѣсо, ѣсо или ѣсого, ѣсого; ѣсомѫ, ѣсомѫ. Jego, jemu также мѣстоименныя формы, но опять-таки не отличныя отъ сложныхъ.—Далѣе, сохранился древній рóдникъ ѣсо, только въ измѣненномъ значеніи, а именно онъ замѣнилъ утраченный назывникъ ѣто: въ старѣйшихъ памятникахъ мы находимъ czso, откуда затѣмъ вышло co. Аналогично этому употребленіе въ русской народной рѣчи рóдника **чего** вм. назывника. Польскій языкъ сохранилъ также, въ нѣкоторыхъ соединеніяхъ, праславянскій винильникъ ѣ, а именно въ соединеніи съ предлогами, нпр. zacz, ocz. Это ѣ можно видѣть и въ отриц. мѣстоименіи предметномъ, которое является въ видѣ nic. Nic нельзя объяснять подобно nikt, т. е. видѣть въ немъ утрату *o*, т. к. мы находимъ niecо нѣчто; д б. оно вышло изъ *nicz, гдѣ шипящій замѣнялся свистящимъ примѣнительно къ co.

Отмѣтимъ еще нѣсколько мѣстоименныхъ формъ, отличныхъ отъ сложныхъ, но совпадающихъ съ именными: мѣст. sam, ср. р. samo (самъ, одинъ), мѣст. указ. ten, to (этотъ), сходную съ мѣстоименіями числовку jeden, jedno; неопредѣл. мѣст. żaden, -dno (никакой), которое не чуждается и сложныхъ формъ: żadny, -dne; wszystek, -stko весь, все. Образованіе послѣдняго мѣстоименія не совсѣмъ ясно, но очевидно оно такъ или иначе представляетъ сумѣсокъ мѣстоименій вьсь и вьсѧкъ. Я не приводилъ здѣсь женскихъ формъ sama, ta и т. д., т. к. *a* можетъ восходить и къ древнему ѧ, и къ ѧ; впрочемъ здѣсь оно древнее: въ старинномъ языкѣ является *a* чистое, не наклоненное, т. е. первоначально краткое, а не долгое. Далѣе отмѣтимъ именно-мѣстоименный винильникъ ж. р., нпр. tę, samę.

Во множинѣ мы имѣемъ отъ мѣст. ten лично-мужескую форму ci = ти, но эта ф. не характерна, т. к. могла бы равняться сложной ф. *тии: общая ф te (свойственная женскому и среднему роду и мужескому неличному)—сложная; въ старину существовала и долго держалась настоящая форма женскаго р. ty—это ty даже получило-было большее распространеніе, вторгнувшись въ область средняго р, и вытѣснивъ древнее ta.

Укажу еще нѣкоторыя особенности мѣстоименія и, ѥ, ꙗ, назывники котораго не употребительны, а замѣняются, какъ и у всѣхъ почти славянъ, чрезъ on, ono, ona Въ ро́дн. и дав п. существуютъ формы сильныя и слабыя: jego и go, jemu и mu. Ро́дникъ jego служитъ также винильникомъ; впрочемъ Старопольс. яз. знаетъ и настоящій винильникъ, который мы находимъ въ написаніи gi. Возможно, что g здѣсь писалось вм. j, такъ что gi равно стрцрк. и; или же звукъ g зашелъ сюда изъ ро́дника jego, go. Вин. имѣетъ также безсложную разновидность ь (и̂ь), соединяемую съ предлогами, нпр. zań, oń, weń. Это же ń является и вм. ро́дн.—doń = do niego: т. к. ń въ zań для язычнаго чутья есть замѣна niego, то и вм. do niego стали допускать doń Тво́рники и безъ предлоговъ принимаютъ начальный n: nim, nią, nimi (niemi); ją, imi, jemi устарѣли, а im существуетъ лишь какъ нарѣчіе, „чѣмъ“.

Сложное склоненіе.

Изъ основного ꙁълыи, -оѥ, -аꙗ получилось zły, złe, zła. *A*, образовавшееся черезъ стяженіе, въ старинной и народной рѣчи—наклоненное; подобно тому и въ среднемъ родѣ и въ другихъ формахъ мы видимъ въ старину написаніе черезъ *é*. Относительно сред. р. является вопросъ, почему изъ стяженія оѥ вышло *е*, тогда какъ въ другихъ языкахъ *о*, нпр. по-сербски зло̑. Возможно, что это зависитъ отъ ударенія, и что древнее до́броје дало добрē, а зло́је—злō, послѣ чего одни языки провели по всѣмъ прикладкамъ *е*, а другіе—*о*. Такъ же можно объяснять ро́дникъ złego и давальникъ złemu, при староцерк. ꙁълаго, ꙁълоумоу, изъ болѣе раннихъ ꙁълааго, ꙁълоуоумоу и ꙁъла-

єго, ꙁълоуємоу. Можно однако сослаться и на вліяніе мягкаго различія мѣстоименнаго склоненія—jego, czego, гдѣ издавна было *е*. Для падежей *творн.* и *мѣстн.* польскіе грамматисты даютъ одну форму, но различаютъ въ ней роды, муж. и сред.: въ муж. р. творн. и мѣстн. пишется złym, въ ср. złém. Но это произвольное правило: по выговору въ обоихъ родахъ и падежахъ можно бы писать у, а по происхожденію нужно бы различать не роды, а падежи—творн. złym и мѣстн. złém. Złym=стрцрк. ꙁълꙑимь, а въ соотвѣтствіе мѣстнику ꙁълѣѥмь мы ожидали бы встрѣтить zlém, но мягкость здѣсь видимо была устранена въ подражаніе другимъ формамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ *é* (близкое къ *i*) измѣнилось въ у, вслѣдствіе чего мѣстный падежъ совпалъ съ творнымъ.

Въ *жен р* ро́дный падежъ *зълыјѣ (по-староцерковному ꙁълꙑѩ), и дав.-мѣстн ꙁълѣи совпали въ видѣ złéj, тогда какъ мы ожидали бы родн. złyje, а дав.-мѣстн. zléj, съ l мягкимъ: złéj очевидно получилось черезъ взаимодѣйствіе этихъ двухъ формъ; м. б. въ пользу отвердѣнія вліяли также мѣстоименныя формы тоѩ и тои. Въ *вин. п.* изъ ꙁълѫѭ вышло złą, такъ что вин. совпадаетъ съ творн.

Во *множн. ч.* назывникъ представляетъ различіе между формами мужеско-личною и мужеско-вещевою, присвоенною также обоимъ остальнымъ родамъ. Личное окончаніе есть i=стрцрк. ии, нпр. źli=ꙁълии, bogaci=богатии, dobrzy=добрии *). Впрочемъ эти формы не характерны, т. к., вслѣдствіе утраты нѣкогда бывшей въ нихъ долготы, совпали съ именными. Форма общая кончается на *е* неумягчительное, нпр. złe, dobre, bogate. Въ этой формѣ надо видѣть винильникъ муж. р. и назывно-винильникъ жен.; правда, изъ основного ꙁълꙑѩ трудно вывести złe, но для Польскаго языка основною формою было ꙁълꙑѣ, стяженіе же *уе* въ *е* можно допустить Въ старину встрѣчается еще форма средняго рода, на *а*, нпр. źwierzęta leśná (обыкновенно leśne). Употребленіе вещевого окончанія у прикладковъ, какъ и у предметницъ, заходитъ иногда за настоящіе предѣлы: при надѣленіи личнаго имени вещевымъ окончаніемъ, прикладокъ,

*) Отмѣтимъ еще wielki—wielcy, ubogi—ubodzy, starszy—starsi, hozy красивый—hozi. Насчетъ ś и ź ср. стран. 21, вн.

съ нимъ согласованный, получаетъ таковое же окончаніе, нпр. starożytni polacy древніе поляки, и starożytne polaki. Благодаря прикладкамъ является возможность провести различіе между вещевымъ и личнымъ окончаніемъ и у такихъ предметницъ, которыя сами къ тому неспособны, нпр. у словъ nauczyciel учитель, panicz барченокъ, koń: dobrzy nauczyciele, но dobre konie; mali panicze или małe panicze.

Еще заслуживаетъ вниманія множный творникъ, имѣющій два окончанія—ymi и emi: złymi и złemi. Zlymi очевидно= стрцрк. ѕлъıми, а zlemi слѣдуетъ объяснять сдѣлкою между сложнымъ окончаніемъ ymi и мѣстоименнымъ ѣми: звукъ *e* идетъ изъ мѣстоименнаго склоненія, а твердость предшествующаго согласника—изъ сложнаго. Польскіе грамматисты присвоили окончаніе ymi мужескому роду, emi женскому и среднему, но это чистѣйшій произволъ: во всѣхъ родахъ одинаково преобладаетъ emi. Когда здѣсь пишутъ é, то это можно бы считать исключительно орѳографическимъ явленіемъ: при колебаніи между e и y, на письмѣ могло появиться среднее между ними é; но въ виду того, что é является и въ старину, надо объяснять его идущею изъ сложнаго склоненія долготою.

О прикладкахъ мягкаго различія незачѣмъ говорить особо: какое-нибудь tani, tanie, tania (дешевый) отличается отъ zły, złe, zła только тѣмъ, что вм. y вездѣ является i.

Подъ образецъ прикладковъ подведены фамиліи и имена на i (y), нпр. Goldoni—Goldoniego, Salvandy—Salvandego, Antoni—Antoniego, Ignacy—Ignacego, Wirgili—Wirgilego, Horacy—Horacego (говорятъ также Wirgiliusz, -iliusza, Horàcyusz, -acyusza). Сюда же, очевидно по сходству со среднимъ родомъ, примкнули фамиліи на *e*: Gete—Getego, Linde—Lindego, Bantdkie—Bandtkiego.

Остатки именного склоненія прикладковъ.

Сложныя формы по-польски суть почти единственныя формы прикладковъ, именное склоненіе которыхъ вообще въ новославянскихъ языкахъ сохранилось только въ обломкахъ, а особенно

оскудѣло въ Польскомъ языкѣ, гдѣ прикладки даже въ качествѣ сказуемаго являются въ сложномъ видѣ: ojciec jest dobry, wół jest ślepy, dziecię jest piękne (красиво). Лишь нѣкоторые прикладки сохраняютъ именныя окончанія въ назывникѣ и въ совпадающемъ съ нимъ винильникѣ. Таковы притяжательныя прикладки ojców, ojcowo; matczyn, -yno (впрочемъ самые прикладки этого рода все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія). Такіе же назывники видимъ и у нѣсколькихъ отдѣльныхъ прикладковъ, нпр. rad, rado; winien, -nno; wart, -to (достоинъ—нѣм. werth); kontent, -to (доволенъ—съ латинскаго). Эти прикладки употребляются лишь въ качествѣ сказуемаго, т. е. въ формѣ назывниковъ. Множинныя формы rade, warte, kontente,—сложныя; однако winien образуетъ женскородную множину winny. Женскородная однина не характерна, но, судя по старопольскому правописанію, тоже именного образованія, хотя въ народной рѣчи *a* почти всегда сжатое. Лично-множинныя формы radzi, warci, kontenci также слѣдуетъ считать именными, но онѣ совпадаютъ со сложными. Именныя формы од. ч. мужескаго р. встрѣчаются еще отъ нѣкоторыхъ прикладковъ: zdrów (bądź zdrów—будь здоровъ, прощай), gotów, wesół, pełen и нѣсколько другихъ. Въ старину употреблялось больше такихъ формъ, а нѣкогда именное окончаніе, по всей вѣроятности, было обязательнымъ у прикладковъ-сказуемыхъ.

Спряженіе.

Въ спряженіи Польскій языкъ понесъ значительныя утраты: состояніе формъ приблизительно такое, какъ въ русской народной рѣчи (русская литературная рѣчь нѣсколько консервативнѣе). Изъ числа именно-глагольныхъ формъ утрачены: супинъ и настоящное причастіе терпное (страдательное); дѣйныя же причастія обратились въ пáпричастки (дѣепричастія) и лишь изрѣдка настоящное причастіе (но не прошлостное) измѣняется по падежамъ. Изъ числа личныхъ формъ утрачены простыя прошедшія (имперфектъ и аористъ), отъ коихъ уже въ старину встрѣчаются только скудные остатки.

Инфинитивъ въ соотвѣтствіе староцерк. **ти** представляетъ ć (=рус. *ть*): dać, nieść. Вм. стрцрк. **шти**, рус *чь*, является c: piec, стрцрк. **пєшти**, рус. печь; móc, **мошти**. мочь (срв. стран. 13 и 11, гдѣ приведено ошибочное написаніе módz черезъ dz; таковы же написанія biédz вм. biéc бѣжать и bydź вм. być.

Па́причастки Настоящный па́причастокъ кончается на—ąc: piekąc, pijąc, karmiąc Встарь попадается ęcy, нпр. morzęcy Кохан., а также ę· powyszaję, czynię и т. п. Флор. пс (Чтеніе ę, а не ą, основано на краткости чешскаго окончанія *e*). Рѣдкія *причастія*: piekący, -e, -a, pijący и т. д.*).—*Прошлостный па́причастокъ* имѣетъ окончанія wszy и szy, обычныя и въ Русскомъ языкѣ, нпр. wydawszy, pogrzebszy. По недоразумѣнію вм. szy пишутъ łszy, приводя это окончаніе въ связь съ элевыми причастіями: pogrzebłszy. Форму на wszy, szy, слѣдуетъ считать формой женскаго рода, сдѣлавшейся общей для всѣхъ родовъ. Въ старину встрѣчаются также болѣе краткія формы на w, представляющія муж. и сред. родъ: wydaw; но какого-нибудь wyszed не существуетъ, впрочемъ попадается wyszedw. Слѣдуетъ замѣтить, что Поляки образуютъ прошлостный па́причастокъ только отъ глаголовъ совершеннаго вида. (И Русскій языкъ близокъ къ такому употребленію).

Элевое причастіе представляетъ расходящіяся съ русскими нёс, вёс, умер, но сходныя со старопеpковными **нєслъ**, **вєзлъ**, **оумрьлъ**, niósł, wiózł, umarł и отличныя какъ отъ русскихъ плёл, вёл, такъ и отъ старопеpковныхъ **плєлъ**, **вєлъ**, plótł, wiódł, съ уцѣлѣвшими, или возстановленными t и d. См. выше, стр. 16. Впрочемъ при скороговоркѣ и въ областной рѣчи слышатся подобныя русскимъ формамъ niós, wióz, umar, а также plót, wiód.

Терпное причастіе: bity, chwalony, młocony, rodzony, puszczony и т. д. Это причастіе иногда является въ безчленной формѣ, нпр. tyś w niéj zrodzon—ты въ ней (въ клѣткѣ) рожденъ, otoczon chmurą pułków—окруженъ тучею полковъ.

Настоящее время. 1-ое лицо одиннаго ч. кончается на ę=староцерк. **ѫ**—plotę, biorę. Иногда мы вм. окончанія ę на-

*) О нѣкоторой особенности этого па́причастка у глаголовъ ижевыхъ и корневыхъ см. ниже, стр 44 и 46

ходимъ флексію m, а именно въ азóвомъ настоящемъ употребляется am, нпр. znam, gram, при староцерк. ѕнаѫ, игрѫ. Окончаніе m идетъ отъ корневыхъ глаголовъ dam, wiem, jem и подобнаго имъ (хотя и основнаго, но лишеннаго настоящнаго суффикса) mam=имамь. По образцу этихъ глаголовъ вм. znaję явилось znam; исконную форму сохраняетъ множинное третьеличье znają: срв. чешскія формы znám и znají, сербскія — з н а̑ м и з н а̑ j ӯ. Znam, znám, зна̑м такимъ образомъ не представляетъ стяженія, а есть новотворка къ дѣйствительно стяженнымъ znasz, znáš, зна̑ш и т. д. Соотвѣтственно чешско-сербской долготѣ въ Польскомъ языкѣ является старинное и народное сжатіе: znám, znász и т. д. Кромѣ азовыхъ глаголовъ, m принимаютъ еще глаголы śmieć и umieć—śmiem, umiem.—2-ое лицо кончается на sz: idziesz, prosisz, grasz, но это особенность только сравнительно со староцерковнымъ шн.—Особенностью сравнительно со Староцерковнымъ и еще съ Русскимъ языкомъ представляется опущеніе флексіи въ 3-емъ лицѣ, которое такимъ образомъ= основѣ, нпр. idzie, prosi, gra; остальные новославянскіе языки раздѣляютъ эту особенность, даже и Русскій въ областной рѣчи знаетъ такія формы.—Множи́нное 1-личье, во избѣжанье совпаденія съ одиннымъ, принимаетъ окончаніе my—damy, umiemy (dam, umiem—однина́); будучи у такихъ глаголовъ обязательнымъ, my господствуетъ и у остальныхъ, хотя тамъ допускается и простое окончаніе m, нпр. pleciemy и plecіem, chodzimy и chodzim Это my переиначено изъ m подъ вліяніемъ соотвѣтственнаго личнаго мѣстоименія.—2-ое лицо множ. ч., кончающееся на cie=тє, нпр. idziecie, prosicie, gracie, нисколько не замѣчательно.—Множи́нное 3-тьеличье, такъ же какъ и одни́нное, утратило окончаніе t́ или t (изъ ть или тъ) и кончается на замѣнителя ѫ, нпр. plotą, mogą, grają. Сравнимъ чешскія pletú, mohú (старинн , теперь—pletou, mohou), hrají и сербскія п л ѐ т ӯ, м о̀ г ӯ, ѝ г р а j ӯ, а также одиннныя перволичья plotę, mogę, при чеш pletu, mohu и серб. м о̀ г у. Долгота гласнаго, болѣе понятная при замкнутости слога, говоритъ въ пользу существованія, если не въ доисторическую пору Польскаго языка, то въ единомъ языкѣ Сѣверозападныхъ славянъ, окончанія o͡t́ или o͡t.

На нѣкоторыя замѣчанія вызываютъ здѣсь ижевые и ижевоятевые глаголы: chwalić, czynić, służyć, kupić, lecieć, siedzieć и т. п. Мы ожидали бы встрѣтить у нихъ въ множи́нномъ 3-тьеличьѣ отраженіе староцерковнаго окончанія ѧть, но находимъ только нехарактерныя (хотя и восходящія къ хвалѧть, чинѧть, слоужѧть, коупѧть) chwalą, czynią, służą, kupią, а при корнѣ на s, z, t и d, у какихъ-нибудь prosić, grozić, lecieć, chodzić, puścić, вм. ожидаемыхъ prosią, grozią, lecią, chodzią, puścią, являются proszą, grożą, lecą, chodzą, puszczą, какъ-будто въ Староцерковномъ было прошѫть, грожѫть, лештѫть, хождѫть и поуштѫть—очевидно, вслѣдствіе заимствованія 3-го лица множнаго числа у 1-го одиннаго. Такое-же заимствованіе приходится предполагать у настоящныхъ па́причастковъ этихъ глаголовъ: prosząc, grożac, lecąc, chodząc, puszcząc,вм. ожидаемыхъ prosiąc, groziąc, leciąc и т. д. (въ Староцерк. просѧ, -ѧшти; грозѧ, -ѧшти и т. д.). Еще заслуживаетъ вниманія появленье у разсматриваемыхъ глаголовъ въ 1-мъ лицѣ множ. ч. темового *e* вм. *i*: leciemy вм. lecimy, chodziemy вм. chodzimy, słyszemy вм. słyszymy; грамматисты, правда, донынѣ предпочитаютъ здѣсь *i*, но *e* давно уже возобладало. Появилось это *e*, конечно, не безъ вліянія естеваго настоящаго. Однако если бы была только эта причина, то *e* провели бы по всѣмъ лицамъ: какъ подъ вліяніемъ pleciemy явилось leciemy, такъ подъ вліяніемъ pleciesz, plecie, pleciecie возникли бы небывалыя leciesz, lecie, leciecie—очевидно, нужно сослаться еще на другую причину, а именно, на вліяніе однины̀: усвоенію *e* благопріятствовало присутствіе того же звука (съ пригнуской) въ формѣ lecę, chodzę, тогда какъ lecisz, chodzisz, напротивъ того, поддерживали старинную примѣту *i*. Мысль о вліяніи однины̀, принадлежащая Бодуэну-де Куртенэ, находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ явленіи областной рѣчи: въ иныхъ говорахъ вм. idziemy употребляется idemy, вм. pieczemy—piekemy, въ которыхъ d и k не́откуда объяснить, какъ изъ одни́ннаго 1-личья idę, piekę

Въ старину встрѣчаются остатки *двоины̀*: нпр. 1-ое лицо jeśwa во Флор. пс., służywa у Яна Кохан., 3-ье л. źrzyta, zginieta Флор. пс. Окончаніе wa и возникшее изъ него—при-

мѣнительно къ my—ma не рѣдкость въ народномъ языкѣ: będziewa и będziema и т. д., также będzieta и т. д. для 2-го лица; однако двоинное значеніе почти всюду утрачено *).

Наклоненіе велительное. Въ этомъ наклоненіи Польскій языкъ, подобно Русскому, устранилъ примѣту ѣ, имѣвшуюся въ такихъ случаяхъ, какъ: берн, но берѣмъ и т. д.; вм. этого онъ всюду распространилъ примѣту и, свойственную во всѣхъ лицахъ первоначально только іотовымъ и ижевымъ глаголамъ. Притомъ, какъ и по-русски, примѣта обыкновенно сокращается, и отъ *i* остается одна мягкость: stań, bądź (рус. стань, будь), мн. stańmy, bądźmy, stańcie, bądźcie; послѣ шипящихъ нѣтъ и мягкости: pisz, piszmy, piszcie. Послѣ гласныхъ i, какъ во всѣхъ новославянскихъ языкахъ, становится неслоговымъ: znaj, wołaj, bij, kupuj; znajmy, wołajmy, bijmy, kupujmy; znajcie, wołajcie, bijcie, kupujcie.—Мы находимъ также соотвѣтствіе русскому закону, что *i* сохраняется подъ удареніемъ и послѣ нѣсколькихъ согласныхъ, напр. въ Старопольскомъ rwi, rwimy, rwicie; dźwigni, dźwignimy, dźwignicie, каковое велительное впослѣдствіи подчинилось вліянію велительнаго отъ открытыхъ корней и глаголовъ производныхъ, какъ bij, wołaj, и теперь говорятъ rwij, rwijmy, rwijcie; dźwignij, dźwignijmy, dźwignijcie. Передъ примѣтою ѣ-и происходило смягченіе заднепебныхъ согласниковъ въ свистящіе: рьцн, рьцѣвѣ, рьцѣта, рьцѣмъ, рьцѣте; помозн, помозѣвѣ, помозѣта, помозѣмъ, помозѣте—въ Польскомъ вм. свистящихъ являются шипящіе: piecz, pieczmy, pieczcie; pomóż, pomóżmy, pomóżcie. Слѣдуетъ думать, что велительное примѣнилось къ настоящему. 3-ьи лица велительнаго наклоненія утрачены и замѣняются соотвѣтственными формами изъявнаго съ прибавленіемъ частицы niechaj, niech: niechaj или niech piecze, niechaj или niech pieką. Въ старину 3-ье лицо однины, какъ и въ Староцерковномъ, могло совпадать со 2-мъ, напр. powyszona bądź prawica twoja Флор. пс.; донынѣ сохранились выраженія bądź co bądź во что бы то ни стало и pomagaj Bóg Богъ пóмочь.

---

*) Сказанное о личныхъ окончаніяхъ настоящаго болѣе-менѣе относится и къ другимъ личнымъ формамъ.

Корневые глаголы. Мы видѣли, что нѣкоторые осно́вные глаголы позаимствовали у корневыхъ окончаніе однинпаго перволичья m—наоборотъ, и корневые глаголы позаимствовались кое-чѣмъ у осно́вныхъ. Dam, wiem, jem=осн. дамь, вѣмь, ѣмь, (варьянтъ къ ꙗмь), но окончаніе sz, въ dasz, jesz, wiesz, очевидно перенято у глаголовъ осно́вныхъ, т. к въ соотвѣтствіе староцерковнымъ даси, ꙗси, вѣси по-польски должно бы быть *daś, *jeś, *wieś. Также 3-ье лицо од. ч. и 2-ое множ.—da, je, wie; dacie, jecie, wiecie, если бы не было того же вліянія, звучали бы иначе, а именно *dast, *jast, *wiast, *daście, *jeście, *wieście. Еще и 3-ье лицо множ. ч., dadzą, wiedzą, jedza, не представляетъ полнаго соотвѣтствія староцерк. дадѧть, вѣдѧть, ꙗдѧть: должно бы быть *dadzią, *wiedzią, *jedzią. Также и па́причастки jedząc, wiedząc замѣняютъ *jedziąc, *wiedziąc,=ꙗдѧ, вѣдѧ (разновидностямъ къ ꙗды, вѣды). Подобное явленіе мы встрѣтили ранѣе у глаголовъ ижевыхъ и ижево-ятевыхъ (стран. 44). У корневыхъ глаголовъ на эти формы могло оказать вліяніе велительное наклоненіе, wiedz, jedz,=староцерк. вѣждь, ꙗждь, гдѣ мы находимъ правильное соотвѣтствіе польскаго dz староцерковному жд. Во множинѣ имѣемъ wiedzmy, jedzmy, wiedzcie, jedzcie. Староцерковнымъ вѣдимъ, ꙗдимъ, вѣдите, ꙗдите должны соотвѣтствовать jedźmy, wiedźmy, jedźcie, wiedźcie (съ dz мягкимъ)—твердость, очевидно, заимствована у однины; впрочемъ, заимствованіе было м. б. только въ 1-мъ лицѣ, а 2-му, пожалуй, присвоена лишь неточная орѳографія, т. к. dz здѣсь передъ ć не можетъ быть твердымъ, а пишется безъ знака мягкости въ подражаніе другимъ лицамъ. Глаголъ дати, имѣющій въ Староцерк. велит. даждь, прич. дады, въ Польскомъ, какъ и въ Русскомъ, замѣнилъ эти формы по образцу глаголовъ осно́вныхъ и представляетъ daj, dając. (Дан и даѩ встрѣчаются и въ Староцерк., но принадлежатъ къ несовершенному глаголу даꙗти—давать).

Четвертый корневой глаголъ—быти. Въ Старопольскомъ мы находимъ здѣсь настоящее, соотвѣтствующее староцерковному: jeśm, jeś, jeść или jest (jest, надо думать, подъ вліяніемъ другихъ лицъ замѣнило самородное *jost), jeśmy, jeście, są. Изъ этихъ формъ теперь употребляются только jest и są, прочія же

утрачены, при чемъ ихъ исчезновеніе начинается довольно рано. Уже въ старину мы замѣчаемъ здѣсь сокращеніе: jeśm даетъ сначала esm, sm, а потомъ em, m; jeś—eś, ś; jeśmy—śmy, jeście—ście. Въ такомъ видѣ наст. **ѥсмь** живетъ и понынѣ, нпр.: gòtôwem umrzeć—**готовъ ѥсмь оумрѣтн** (ж. р. gotowam), Jam Bóg wasz—**азъ ѥсмь богъ вашь**; winieneś jego śmierci—**ты виноватъ** въ его смерти (ж. р. winnaś), wszyścyśmy dzieci Boga= **вьси ѥсмъ дѣти Бога** (**Божіи**); wyście krzepcy i zdrowi—**вы ѥстє крѣпъцн и съдравн**. Сокращенныя формы, какъ видно, сливаются на письмѣ съ предшествующимъ словомъ. Кромѣ сокращеннаго (по синтаксическому употребленію, слабаго) вида, настоящее глагола być имѣетъ еще и другой—распространенный (сильный), о коемъ рѣчь будетъ ниже

Прошедшее время. Мы уже отмѣтили, что Польскій языкъ утратилъ имперфектъ и аористъ: только въ старѣйшихъ памятникахъ указано нѣсколько такихъ формъ, по которымъ едва можно составить себѣ понятіе, въ какомъ видѣ являлись эти прошедшія. Уже издавна господствуетъ прошедшее сложное, т. е. соединеніе элеваго причастія съ настоящимъ глагола **бытн**. Первоначально въ Старопольскомъ имѣлось напр. отъ гл. widzieć слѣдующее прошедшее:

Однина.	Множина.
1 л. widział, -a, (-o) jeśm	widzieli, widziały śmy
2 л. widział, -a, (-o) jeś	widzieli, widziały ście
3 л. widział, -a, -o jest	widzieli, widziały są.

Въ 3 л. помогальный глаголъ, каковой мы читаемъ напр. во Флоріанской псалтыри: oblekł jest, rozdraźnili są и т. д., издавна можетъ опускаться, такъ что элевое причастіе само по себѣ означаетъ 3 л., а съ конца XVI в. помогальный глаголъ здѣсь и вовсе пересталъ употребляться. Въ 1 и 2 л. рано стало происходить сокращеніе—то же самое, которое мы видѣли уже выше: eśm, śm, em, m и т. д. Такимъ образомъ получилось слѣдующее спряженіе: 1 л. widziałem, -am, (-om), 2 л. widziałeś, -aś, (-oś) *),

*) Форму средняго рода 1-го и 2-го лица я ставлю въ скобки, т. к. она теоретически возможна, но въ дѣйствительности почти не существуетъ.

3 л. widział, -a, -o Множина: 1 л. widzieliśmy, -działyśmy, 2 л. widzieliście, -działyście, 3 л. widzieli, -działy *). Во множинѣ слѣдъ древней раздѣльности формъ сохраняется въ акцентовкѣ—удареніе приходится на 3-й слогъ съ конца; хотя иногда и эти формы подводятся подъ общій законъ. Въ widziałem и widziałeś какъ помогальный глаголъ чувствуются только m и ś, а бѣглое *e* (ср. widziałam, -łaś) кажется вставкой, и эти лица акцентуются по общему закону.—Мы знаемъ, что въ Староцерковномъ помогальный глаголъ могъ не только слѣдовать за элевымъ причастіемъ, но и предшествовать ему и отдѣляться отъ него другими словами. Оттого и по-польски охотно присоединяютъ его къ какому-нибудь предшествующему мѣстоименію, нарѣчію, союзу. Такъ вмѣсто widziałem говорятъ и jam widział; вм. widzieliśmy—myśmy widzieli; вм. gdzie byłeś?—gdzieś był?; вм. co zrobiłem! (что я сдѣлалъ!)—com zrobił!, вм. gdy go kochałam (когда я его любила)—gdym go kochała; вм. bo nie wiedziałem (потому что я не зналъ)—bom nie wiedział и т. д. На письмѣ краткія формы существительнаго глагола принято сливать съ предшествующимъ словомъ.

По образцу только что разсмотрѣннаго прошедшаго Польскій языкъ развилъ себѣ новое спряженіе для 1-хъ и 2-хъ лицъ глагола być. Въ виду того, что при одинномъ 3-личьи był (съ польской точки зрѣнія это уже не причастіе, а форма личная) стояли byłem и byłeś, и къ jest образовали jestem, jesteś; такъ-какъ при byli, -ły употреблялись bỳliśmy, -łyśmy, bỳliście, -łyście, то при są появились sąśmy, sąście: sąśmy wdzięczni мы благодарны, sąście szczęśliwi вы счастливы. Однако послѣднія соединенья встрѣчаются только въ старину и въ народной рѣчи; въ литературной они замѣнились новотворками къ однинѣ: jesteśmy, jesteście. Такимъ возникновеніемъ послѣднихъ формъ объясняется и ихъ акцентовка: при образованіи путемъ сложенія вышло бы jèsteśmy, jèsteście, новотворки же естественно было акцентовать по общему закону.

Прежденрошлое состоитъ изъ прошедшаго времени помогальнаго глагола и элеваго причастія спрягаемаго, и содержитъ

*) Окончаніе -li—лично-мужеское. Ср. стр. 21—22.

такимъ образомъ два элевыхъ причастія: нпр. отъ глаг. napisać—napisałem był или jam był napisał, 3-ье лицо napisał był

Сослагательное или *условное наклоненіе* Это наклоненіе состоитъ изъ элеваго причастія и аориста ѣхъ, который въ такомъ употребленіи сохранился, при чемъ однако подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Мы имѣемъ 1 л. pisałbym, ж. р. pisałabym, (ср. р. pisałobym). Въ старинной и народной рѣчи мы находимъ pisałbych, гдѣ аористъ сохраняется въ чистомъ видѣ. Pisałbym объясняется вліяніемъ прошедшаго времени; въ силу обратнаго вліянія языкъ старинный и народный допускаетъ вм. pisałem—pisałech. 2 л. сослаг. pisałbyś. Это byś своимъ ś обязано опять-таки прош. вр.—въ старину встрѣчается и pisałby, т. е. настоящее 2 л. аориста, совпадавшее съ 3-ьимъ. Во множинѣ 1 л. pisalibyśmy *), форма возникшая подъ вліяніемъ прошедшаго времени: въ старину и въ народномъ языкѣ находимъ также pisalibychmy, т. е. настоящій аористъ. Эта форма въ свою очередь повліяла на прош. и породила pisalichmy при pisaliśmy. 2 л. pisalibyście. 3 л. pisaliby. Вм. -by въ старину встрѣчается bychę. Написано bych̨, что Миклошичъ читаетъ bychą—мое чтеніе основано на краткости окончанія хъ у Сербовъ и Чеховъ: плѐтијāху, pletiechu (старочеш.); имперфектное хъ у Поляковъ и Чеховъ (также у Лужичанъ и Болгаръ) зашло и въ аористъ. Bychę д. б. не архаизмъ, а старопольская новотворка. См. мою статью „О (мнимомъ) аористѣ бнмь“ въ Сборникѣ составленномъ учениками Влад. Ив. Ламанскаго (первомъ). — Условное *прошедшее* относится къ своему настоящему такъ, какъ преждепрошлое къ прошедшему, и мы имѣемъ byłbym pisał, byłabym pisała, (byłobym pisało).

Будущее время обозначается сходно съ русскимъ, т. е. у глаголовъ совершеннаго вида выражается формою настоящаго, а у несовершенныхъ описывается посредствомъ *инфинитива* спрягаемаго глагола и будущаго времени помогальнаго: kochać będę (я буду любить). Есть однако и другой способъ—это соединеніе того же будущаго вр. помогальнаго глагола съ *элевымъ причa-*

*) Также pisałybyśmy; соотвѣтственно тому и въ другихъ лицахъ.

стіемъ спрягаемаго—będę kochał, -a, (-o). Такое описаніе господствуетъ въ Словенскомъ языкѣ: bom ljúbil— буду любить. Соединеніе это уже праславянское, только оно имѣло значеніе преждебудущаго: бѫдѫ далъ = dedero—очевидно Поляки и Словенцы сохранили такія выраженія отъ древности, только придали имъ значеніе будущаго вообще. Обратимъ вниманіе на разстановку частей разсматриваемаго времени: инфинитивъ ставится впереди помогальнаго глагола, а элевое причастіе—позади. Впрочемъ можно указать и отступленія: Мицкевичъ въ одномъ письмѣ пишетъ: będziemy milczeć; въ народной же рѣчи бываютъ исключенія и изъ второго правила, т. е. можно услышать kochała cię będzie.

Терпный залогъ описывается, какъ и по-русски, напр. będę pochwalony, kwiaty sieją się; опять-таки какъ по-русски обыкновенно предпочитаютъ дать рѣчи дѣйный оборотъ, напр. pochwalą mię. Своеобразно: 1) употребленіе иного помогальнаго глагола—zostać (остаться, стать, сдѣлаться), напр. zostałem pochwalony и 2) употребленіе терпно-прошлостнаго причастія въ качествѣ безличнаго прошедшаго: z wieży zadzwoniono съ башни зазвонили, ostrzegano go—его предостерегали. Сравнимъ русскіе обороты въ родѣ „сказано—сдѣлано“.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Грамматики.

Kopczyński, X(iądz) Onufry. Grammatyka języka polskiego. W Warszawie 1817.

Sztochl, Andrzej. Grammatyka historyczno-krytyczna języka polskiego. Warszawa 1854.

Muczkowski, Józef. Mała gramatyka języka polskiego. Petersburg 1860.

Rykaczewski. E. Grammaire de la langue polonaise. Berlin et Posen 1861.

Małecki, Antoni. Gramatyka języka polskiego większa. Lwów 1863.

Его же. Gramatyka języka polskiego mniejsza. Wydanie 2. Lwów 1866.

Его же. Gramatyka języka polskiego szkolna. Wyd. 5. Lwów 1878.

Его же. Gramatyka historyczno-porównawcza języka polskiego. 2 т. Lwów 1879

Malinowski, Ks(iądz) Franc(iszek) Ksaw(ery). Krytyczno-porównawczá gramatyka języka polskiégo z dzisiejszégo stanowiska lingwistyki porównáwczéj. W Poznaniu 1869. Здѣсь предлагается новая графика, которою и пишутся приводимые примѣры.

Smith C. W. Grammatik der polnischen Sprache. Berlin 1864. 1-ое изданіе этой грамматики (Berlin 1845) имѣется въ русскомъ переводѣ:

Грамматика польскаго языка Смита. Переводъ съ нѣмецкаго П. А. Гильтебрандта. Москва 1863.—Однако въ этомъ переводѣ есть неясности и невѣрности.

J. Popliński's Grammatik der Polnischen Sprache. Neu bearbeitet von Professor Dr. W(ladislaus) Nehring. 7 Auflage Thorn 1881.

Kryński, Adam Antoni Gramatyka języka polskiego. Warszawa 1897. Книгу эту очень можно рекомендовать.

В(ячеславъ Николаевичъ) Щепкинъ. Программа—собственно: конспектъ — по Польскому языку. Москва 1912.

Краткія элементарныя грамматики на русскомъ языкѣ:

Благодаровъ. Я. Краткія правила польскаго языка. Москва 1796.

Семичиновскій. М. Грамматика польскаго языка. Кіевъ 1831

Грубецкій: Сравнительная грамматика польскаго языка съ русскимъ, составленная учителемъ гимназіи Михаиломъ Грубецкимъ. 6 изд. Варшава 1891.

Сравнительный элементъ въ польскихъ грамматикахъ, не исключая и Смитовской, довольно слабъ.

Польскій отдѣлъ въ Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ Франца Миклошича (Vergleichende grammatik der slavischen sprachen von Fr. Miklosich):

1) I Band. Vergleichende lautlehre d. sl. spr. Wien 1852. 2-ое изд. 1879 г. Начинающимъ лучше пользоваться 1-мъ изданіемъ, гдѣ порядокъ изложенія удобнѣе.

2) III Band. Vergleichende formenlehre d sl. spr. Wien 1856. 2-ое изд. 1876 года: Vergleichende wortbildungslehre d. sl. spr. Русскій переводъ, со 2-го изданія, съ примѣчаніями и дополненіями, Шлякóва и лектора: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе Франца Миклошича, перевелъ Николай Шляковъ подъ редакціей Романа Брандта. Выпускъ IV. Языки Чешскій и Польскій. Москва 1886.

Важнѣйшіе труды по Исторіи Польскаго языка:

Бодуэнъ-де-Куртенэ, Иванъ. О древнепольскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Лейпцигъ 1870. На основаніи польскихъ словъ, встрѣчающихся въ латинскихъ грамотахъ*).

Hanusz, Jan. Materyjały do historyji form deklinacyjnych w języku staropolskim (wiek XIV, XV, XVI) Zeszyt I i II. W Krakowie 1880—1881. Osobne odbicie ze Sprawozdań Komisyi językowéj Akademii umiejętności, tom I i II.

Kalina, Antoni. Historya języka polskiego. Tom I. Formy gramatyczne języka polskiego do końca XVIII wieku. Lwów 1883.

Словари.

Linde, Samuel Bogumił. Słownik języka polskiego. 6 томовъ. Warszawa 1807—1814. 2-ое, посмертное, изданіе: Lwów 1854—1860. Слова толкуются по-польски и переводятся на Нѣмецкій языкъ, а также сравниваются съ инославянскими. Сравнительная сторона довольно слаба

Оргельбрандовскій или Виленскій „толковый“ словарь: Słownik języka polskiego.... wypracowany przez Aleksandra

*) Старѣйшій памятникъ Польскаго языка, относящійся къ XIV вѣку.— Флоріанская или „Маргаритина“ псалтырь. Издана дважды: 1) графомъ Станиславомъ Дунинымъ-Борковскимъ—Psałterz królowéj Małgorzaty pierwszéj małżonki Ludwika I. Wiedeń (Вѣна) 1834 и 2) Владиславомъ Нерингомъ: Psalterii Florianensis partem polonicam ad fidem codicis recensuit apparatu critico indice locupletissimo instruxit Wladislaus Nehring. Posnaniae 1883.

Zdanowicza, Michała Bohusza Szyszkę и т. д., wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda. 2 т. Wilno 1861.

Mrongovius, Chr. O. Dokładny (подробный, полный—что нѣсколько преувеличено) słownik polsko-niemiecki. Konigsberg 1835.

Rykaczewski. E. Słownik języka polskiego podług Lindego i innych nowszych źródeł wypracowany. Drugie tanie wydanie. Berlin 1873. Словарь—„толковый“, небольшого формата.

Новый Варшавскій словарь — „толковый“: Słownik języka polskiego, ułożony pod redakcją Jana Karłowicza, Adama Kryńskiego i Władysława Niedźwiedzkiego. Warszawa 1898—1911. Къ сожалѣнію остановился на буквѣ Р.

Польско-русскіе словари:

Мюллеръ, Станиславъ. Словарь польско-россійскій. 3 т. Вильно 1841.

Бартошевичъ, Доминикъ. Словарь польско-россійскій, 2 т. Варшава 1841—1843.

Потоцкій. Фр. А. Словарь польскаго и русскаго языка—Słownik polskiego i rossyjskiego języka. Лейпцигъ (Lipsk) 1873.

Дубровскій. П(етръ). Полный (что сильно преувеличено) русско-польскій словарь. Варшава 1878. Въ двухъ частяхъ: II-ая—русско-польская.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР